

*АНТОЛОГИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ*

О. С. Иоффе
**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

ТОМ I

Антология юридической науки

Олимпиад Иоффе
Избранные труды. Том I

«Юридический центр»

2003

УДК 347
ББК 67.404

Иоффе О. С.

Избранные труды. Том I / О. С. Иоффе — «Юридический центр»,
2003 — (Антология юридической науки)

Эта книга открывает четырехтомник избранных трудов выдающегося отечественного ученого-правоведа О. С. Иоффе. В нее вошли две монографии, написанные по материалам кандидатской и докторской диссертаций «Правоотношение по советскому гражданскому праву» и «Ответственность по советскому гражданскому праву», которые оказали заметное влияние на развитие отечественной цивилистики и общей теории права. В книге «Правоотношение по советскому гражданскому праву» О. С. Иоффе раскрывает природу, основные черты и структурные особенности, виды, содержание, субъектный состав и основания возникновения гражданских правоотношений. В работе «Ответственность по советскому гражданскому праву» автор на основе судебно-арбитражной практики по гражданским делам исследует природу гражданско-правовой ответственности, характеризует ее субъект, анализирует условия ее возникновения. Книга предназначена для научных работников и специалистов-практиков, а также для студентов и аспирантов юридических вузов.

УДК 347
ББК 67.404

© Иоффе О. С., 2003
© Юридический центр, 2003

Содержание

Выдающийся ученый-правовед (краткий очерк научной деятельности)	6
Заметки об учителе (воспоминания)	9
Предисловие	11
Правоотношение по советскому гражданскому праву	20
Глава I	20
1	21
2	27
3	29
Глава II	33
1	34
2	36
3	38
4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Олимпиад Соломонович Иоффе

Избранные труды. Том I

© О. С. Иоффе, 2003

© Ю. Г. Басин, А. Г. Диденко, 2003

© В. Ф. Яковлева, 2003

© В. Ф. Попондопуло, предисловие, 2003

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

* * *

Выдающийся ученый-правовед (краткий очерк научной деятельности)

Всю свою жизнь (за исключением детских, отроческих и фронтовых лет) профессор Олимпиад Соломонович Иоффе отдал правовой науке и прежде всего – гражданскому праву и правовой педагогике. Более полувека отделяет его первую монографию «Правоотношение по советскому гражданскому праву» (1949) от сегодняшних публикаций.

Еще до Великой Отечественной войны, будучи студентом Ленинградского юридического института, О. С. Иоффе проявил способности к научным исследованиям, и один из юридических журналов того времени отметил его как будущего ученого-правоведа.

В годы Великой Отечественной войны Олимпиад Соломонович воевал на ее фронтах.

После демобилизации, вернувшись в родной институт, О. С. Иоффе с блеском окончил его, а вскоре стал преподавателем Ленинградского государственного университета.

В 1947 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Правоотношение по советскому гражданскому праву», в 1954 г. – докторскую по теме: «Ответственность по советскому гражданскому праву». В 34 года он стал самым молодым в стране доктором юридических наук!

Первые же опубликованные работы принесли О. С. Иоффе известность в юридических вузах и научных центрах страны. Талант педагога и ученого развивался в повседневном общении с учителями – выдающимися учеными-правоведами – академиком А. В. Венедиктовым, профессорами Я. М. Магазинером, Б. Б. Черепахиным, С. И. Аскназием, В. К. Райхером и другими звездами нашего правоведения. О. С. Иоффе достойно продолжил *их* дело. В этой среде он вырос в самостоятельную яркую личность, стал одним из выдающихся ученых, внесших огромный вклад в наше гражданское право. Мы называли и называем это право советским, хотя многие выдвинутые и развитые О. С. Иоффе идеи и концепции уже в те годы способствовали развитию мировой правовой науки, внедрению прогрессивных начал в экономику и общественное сознание, преодолению трудностей и препятствий в нашей профессии. Эти идеи и концепции живут и плодотворно развиваются и в настоящее время.

Еще до отъезда из СССР ученый опубликовал более двухсот научных работ, среди которых свыше шестидесяти монографий и учебников. Более двадцати из них еще тогда были переведены и изданы за рубежом на немецком, английском, французском, китайском, венгерском, польском, румынском, болгарском языках.

Среди учебных и научных трудов, опубликованных профессором Иоффе, прежде всего следует назвать его капитальные учебники, официально рекомендованные для вузов: «Советское гражданское право». Курс лекций», ч. 1 (1958); ч. 2 (1961); ч. 3 (1965); «Советское гражданское право» (1967); «Основы авторского права» (1969); «Советское гражданское право», т. 1 и 2 (1971); «Обязательственное право» (1975); «Основы римского гражданского права» (1974).

По этим учебникам училось не одно поколение юристов нашей страны. Учебные издания О. С. Иоффе отличались не только глубиной юридического анализа, логичностью и доступностью изложения, но и основательной научной базой, тесной связью учебного материала с современными научными идеями, концепциями, в них находили отражение серьезные дискуссии по всем важным правовым проблемам. Его учебники были основным профессиональным ориентиром при подготовке к кандидатским экзаменам по гражданскому праву, в различных формах изучения гражданско-правовой науки.

К этому виду изданий примыкают книги и статьи по разъяснению и комментированию наиболее важных гражданско-правовых законов, прежде всего Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а также Гражданского кодекса. Глубокие науч-

ные комментарии ученого широко использовались не только в качестве учебного материала, но и служили практическим пособием для судей и юрисконсультов, следователей и адвокатов, хозяйственных руководителей – для всех, кто непосредственно имел дело с действующими гражданскими законами.

Очень важным и необходимым в условиях резких разногласий между реальными запросами экономической жизни страны и бюрократической системой управления явился цикл работ профессора О. С. Иоффе по проблемам правового регулирования хозяйственных отношений: «Актуальные вопросы советского гражданского права», вып. 36 (1964); «Договоры в социалистическом хозяйстве» (1964); «Действие экономических законов социализма в СССР» (1969); «План и договор в социалистическом хозяйстве» (1971); «Система хозяйственного законодательства» (1971); «О критике науки и научности критики» (1978).

К этой же области научных интересов ученого относится и множество его статей, докладов, выступлений, насыщенных острейшим полемическим материалом, связанных с разгоревшейся в те годы дискуссией, разделившей всех ученых-юристов страны, занимавшихся вопросами правового регулирования хозяйственных отношений, на два лагеря: сторонников и противников выделения хозяйственного права в самостоятельную отрасль права, противопоставляемую праву гражданскому. Признанным лидером противников этой концепции, защищавшей принципы командно-приказной системы управления хозяйством и отрицавшей необходимость товарных отношений в экономике, стал О. С. Иоффе.

В последние годы работы в СССР и позже, за рубежом, ученый подготовил и опубликовал ряд трудов по истории цивилистической мысли досоветского и советского периодов. Его первая книга по истории цивилистической мысли Древнего Рима была издана в 1962 г., затем выходили книги и статьи по этой проблематике во Владивостоке (1974), в Ленинграде (1975, 1978), Свердловске (1970), во Фрунзе (1972). Часть из этих работ переиздана в Алматы в 1999–2002 гг. Фундаментальное издание по этой же проблематике вышло в Соединенных Штатах Америки.

Естественно, что научные интересы О. С. Иоффе выходят за привычные границы гражданского права. Почти сорок лет назад он написал ряд работ по общей теории права. Наиболее значительной из них стала изданная в 1961 г. совместно с М. Д. Шаргородским и высоко оцененная правоведами книга «Вопросы теории права», а также двухтомный коллективный труд «Общая теория государства и права» (1961, 1968–1974). И последние работы О. С. Иоффе, опубликованные в Казахстане, также посвящены общим вопросам права и защите правозащитных интересов личности в дореволюционной, советской и постсоветской России, понятию права, идеологии права.

Пожалуй, ни на одного автора не ссылались в научной юридической литературе так часто, на О. С. Иоффе.

На рубеже 70-х и 80-х годов отношение официальных властей и органов образования к О. С. Иоффе резко изменилось. Его отстранили от чтения лекций, а затем и уволили из ЛГУ, запретили публикации его работ, изъяли его книги из библиотек, запретили ссылки на него в работах других ученых. По существу, его вынудили уехать за рубеж. В 1981 г., приняв приглашение Гарвардского университета, О. С. Иоффе покинул родину. Через несколько лет он переехал в Хартфорд и остался там на должности пожизненного профессора Коннектикутского университета.

Все эти годы жизни в США Олимпиад Соломонович напряженно работает и много издается. Он получил престижную американскую премию за свои научные труды, опубликовал девять книг и большое количество статей, неоднократно участвовал в международных правовых форумах.

И в Соединенных Штатах Америки профессор О. С. Иоффе остается российским правоведом. Почти все его работы, изданные за рубежом, посвящены оценке, развитию, пробле-

мам российского права. Недаром Сергей Сергеевич Алексеев в одной из американских публикаций назвал О. С. Иоффе гордостью российской правовой науки. Признание его научных заслуг на родине подтверждается изданием в России основных его трудов в серии «Классика российской цивилистики».

Нам лестно, что О. С. Иоффе был связан самым тесным образом с казахстанской цивилистической школой. Будучи по природе человеком весьма динамичным, он охотно принимал приглашения на различные научные мероприятия, проводимые в республике. Во время своих многократных приездов в Казахстан, помимо чисто дружеских встреч, он выступал в качестве оппонента, участвовал в обсуждении ленинградских учебников по гражданскому праву, делал доклады на конференциях. Попутно ученый охотно проводил встречи со студентами и преподавателями. Все это положительно отразилось на укреплении и развитии казахстанской цивилистики, формировании местных научных кадров.

Тем, кто знает О. С. Иоффе, нет нужды напоминать о блестящем ораторском даровании ученого. Сохранились магнитофонные записи некоторых его выступлений в Алма-Ате. Наряду с чисто литературным мастерством, они неизменно демонстрируют глубину мысли, логическую отточенность и тонкий юмор суждений выступающего, который в совершенстве владел искусством полемики при глубоком уважении к оппоненту.

Особо следует отметить участие О. С. Иоффе в совместной с казахстанскими учеными научной работе. Он был соавтором Комментариев к ГК и КоБСу Казахской ССР, неоднократно публиковался в Ученых записках юридического факультета КазГУ. Все его произведения постсоветского периода, написанные на русском языке, были впервые опубликованы в Казахстане. Это следующие работы: «О смешном и необычном (записки юриста)», «Понятие права и его типы», «Россия: досоветская, советская, постсоветская», «Институт бойфрендов и герлфрендов», «Размышления о праве», «Идеология права».

В переизданные в Алма-Ате работы О. С. Иоффе по истории цивилистической мысли и причинной связи как условия гражданско-правовой ответственности автор внес многочисленные редакционные правки, освободившие текст от устаревших идеологических клише, деталей, малоинтересных современному читателю.

Сложны и причудливы пути влияния крупной личности на окружающих. Трудно, например, с твердой уверенностью назвать кого-либо из ученых прямым продолжателем научных концепций О. С. Иоффе. Для кого-то встречи с ним, его идеи стали толчком к развитию способностей исследователя, кого-то направили на научную стезю, кому-то помогли определить область научных интересов, усовершенствовать методику решения практических задач.

Его работы, идеи, концепции, как раньше, так и теперь, привлекают самое пристальное внимание всех, кто занимается правовой наукой. Вклад этого известного ученого в нашу науку права, и гражданского права в особенности, неоценим.

Профессор Олимпиад Соломонович Иоффе был и остается одним из выдающихся русских правоведов XX столетия.

*Доктор юридических наук, профессор Ю. Г. Басин
Доктор юридических наук,
профессор А. Г. Диденко*

Заметки об учителе (воспоминания)

Впервые я услышала и увидела О. С. Иоффе где-то в начале 1952 г. В Ленгосуниверситете на юридическом факультете проходила конференция по проблемам ответственности по советскому гражданскому праву, и главным докладчиком на ней выступал О. С. Иоффе. Зал был полон, пришли не только коллеги по факультету и Первому юридическому институту им. М. И. Калинина, но и работники Ленгосарбитража, Ленинградских городского и народных судов, аспиранты (и не только цивилисты), масса студентов. Мне и моим друзьям по институту удалось все-таки найти место, не столь отдаленное от трибуны. Поэтому довольно хорошо можно было слышать оратора, видеть выражение его лица, глаз. Я увидела сравнительно молодого человека, подтянутого, худощавого, который был сосредоточен, но абсолютно спокоен. Начал доклад, тишина стояла необычная, прерываемая иногда легким смехом после удачной остроты либо аплодисментами, если мысль автора была необычно оригинальной.

Доклад произвел ошеломляющее впечатление. В нем автор доказывал, что проблема ответственности – это не только сердцевина цивилистики, но и общая проблема теории права, ибо без нее «...была бы лишена юридической охраны выполняемая правом регулятивная функция»¹. Правда, общему понятию ответственности в докладе было отведено немного времени, докладчик ставил перед собой задачу охватить как можно больше дискуссионных и острых вопросов (основания и условия ответственности, понятия вины и причинной связи, разграничение деликтной и договорной ответственности, безвиновная ответственность, ответственность за чужую вину и др.).

При этом О. С. Иоффе подверг беспощадной критике теорию причинения, очень тонко, с ювелирной точностью критиковал существовавшие теории причинной связи, а также даваемые в литературе определения понятия неосторожной вины, столь значимой именно для гражданского права, кратко, ясно и предельно точно изложил свои соображения по этим вопросам.

Поразила в первую очередь глубина мысли, искрометный ум, убедительная доказательность выводов, железная логика. Но так же завораживала и эмоциональная, образная, безукоризненная речь. Доклад не был сухим, академическим изложением серьезнейших проблем. Это был горячий научный спор с оппонентами, который подкреплялся примерами из арбитражной и судебной практики.

Я впервые слушала доклад такого уровня. Не только я, но и большинство присутствовавших понимали, что перед нами выступает высокого уровня ученый, одаренный человек, творческое вдохновение которого невольно передавалось слушателям.

Впоследствии многое из доклада О. С. Иоффе на этой конференции воплотилось в его книге «Обязательства по возмещению вреда»², а затем в защищенной им докторской диссертации³.

Олимпиада Соломоновича я узнала ближе, когда Первый юридический институт слился в 1954 г. с юридическим факультетом Ленгосуниверситета. Заведовать объединенной кафедрой гражданского права стал мудрый, глубокий ученый, кристально честный человек – профессор Борис Борисович Черепахин. Коллектив кафедры был сплоченным, а главное – творческий подход был его важнейшим стимулом. Душой творчества всегда был Олимпиад Соломонович. Сколько интересных научных кафедральных и межкафедральных конференций, обсуждений

¹ Эту мысль О. С. Иоффе с присущей ему чеканной четкостью выразил и в одном из новейших своих произведений: Размышления о праве. Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статья. Комментарии. Практика / Под ред. докт. юрид. наук, проф. А. Г. Диденко. Астана, 2002. С. 52.

² Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова, Л., 1951.

³ Материалы докторской диссертации вошли в книгу: Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955.

вышедших из печати по проблематике кафедры книг, представляемых на защиту диссертаций было проведено благодаря его неумной энергии. А к редактированию и изданию кафедральных учебников по гражданскому праву, комментариев к ГК РСФСР Олимпиад Соломонович относился с особым тщанием, решительно не допуская не только ошибок, неточностей, но и неоправданно длинных, некорректных, неудачных фраз. Какая это была хорошая научная школа для всех нас, тогда еще молодых ученых! Вот почему О. С. Иоффе я считаю своим Учителем.

После смерти Бориса Борисовича О. С. Иоффе возглавил нашу кафедру. Как много он успел сделать за время работы в Университете! Все ему было по плечу. Правоотношение, ответственность, правосубъектность, теория юридического лица, авторское, наследственное, римское право. Его «История развития цивилистической мысли в СССР» – это немеркнущая классика. Его учебники – образец того, как их надо писать.

О. С. Иоффе – блестящий лектор. Аудитория ломилась от студентов, когда лекции читал он. Вносили дополнительные стулья, рассаживались по подоконникам, и только смех нарушал тишину после его очередной шутки. Он, например, шутил: «Следовало бы так оборудовать кафедру, чтобы читающий с нее лекцию ненаучно, неинтересно, бессвязно, монотонно, провалился бы вместе с кафедрой под пол». Ему не давали уйти на перерыв, окружали, задавали вопросы, он отвечал охотно, с ободряющей улыбкой.

Как человек Олимпиад Соломонович – неоднозначен. Он мог быть чутким, внимательным, душевным, добросердечным, но рафинированным интеллигентом он не был. В любой среде он чувствовал себя своим, в спорах житейских давал сдачу беспощадно. Иногда в быту он мог и грубовато обидеть. Правда, чаще он сам же и разряжал возникшую в таких случаях неловкость и делал это, как правило, с помощью анекдотов (чаще одесских), которыми он был напичкан до краев. Припомнив соответствующий случаю анекдот, он с артистизмом его рассказывал, и общий хохот присутствующих заставлял забывать мелкую обиду. Помню, как я и Хаджи-Акбар Рахмонкулов допустили какую-то грубую ошибку, отправляя посылку в Ташкент. Ехидно посмотрев на нее, О. С. Иоффе вздохнул: «Да, из всего большого можно сделать маленькое. Но из большого дурака маленького не сделаешь».

Однако в научной полемике он был беспощаден. Он даже внешне преображался, когда спорил горячо и страстно, доказывая убедительно и бескомпромиссно. Забывалась его тучность, неудачное жестикулирование и хотелось только слушать, слушать без конца. А как великолепны его работы, наполненные язвительной критикой, разящей сторонников хозяйственного права.

Я часто вспоминаю его слова, а к его книгам обращаюсь ежедневно.

*Доктор юридических наук, профессор, В. Ф. Яковлева
12.06.2003 г.*

Предисловие

Представлять работы выдающегося ученого-правоведа Олимпиада Соломоновича Иоффе – большая честь и ответственность. Мне посчастливилось быть одним из последних его аспирантов. Как известно, О. С. Иоффе в 1981 г. эмигрировал в США. Так получилось, что защищать свою диссертацию мне пришлось под научным руководством другого замечательного человека – профессора В. Т. Смирнова, на попечение которого меня оставил О. С. Иоффе. Казалось бы, когда О. С. Иоффе подвергся остракизму в родном коллективе, был отвержен вчера еще вроде бы доброжелательными коллегами, испытывал огромный эмоциональный стресс, ему не должно было быть дела до судьбы других. Однако все было иначе – он проявил себя в отношении своих аспирантов как заботливый и ответственный научный руководитель.

Помню, я показал О. С. Иоффе рукопись своей статьи по теме диссертации, он полистал ее при мне и, беспокоясь о моей судьбе, настоятельно рекомендовал убрать из рукописи все ссылки на его работы, поскольку это, по его мнению, повредило бы мне в будущем. В начале моей будущей статьи, как тогда было заведено, содержалась ссылка на материалы очередного съезда КПСС. О. С. Иоффе заметил по этому поводу, что такого рода ссылки следует делать по требованию редактора. Вспомнил я об этом потому, что и в произведениях, публикуемых в этом издании, и в других работах О. С. Иоффе можно встретить сентенции идеологического порядка, но не они определяют характер этих работ.

Все мы – дети своего времени. Очевидно, О. С. Иоффе также искренне верил многому из того, что насаждалось советской идеологией. Во всяком случае жизнь заставляла играть по правилам, существовавшим в то время. Однако сейчас важно не это. Важно то, что за идеологической шелухой О. С. Иоффе видел суть правовых явлений, занимался наукой, а не апологетикой существовавшего правового порядка. Ярким подтверждением тому является актуальность работ О. С. Иоффе и в настоящее время. Канули в историю насквозь пропитанные идеологией хозяйственно-правовые теории, а цивилистическая мысль О. С. Иоффе осталась. В этом и состоит наука и предназначение ученого.

Ушли те времена, когда писались многие работы О. С. Иоффе, а сегодня они переиздаются, поскольку содержат мысли, которые остаются актуальными. Произведения О. С. Иоффе активно изучали и ссылались на них и в тот период, когда они были изъяты из каталогов библиотек и по существу были запрещены. Все это свидетельствует о том, что в этих работах находят освещение такие истины, которые со временем не меняются. О. С. Иоффе, конечно же, является советским ученым-правоведом, но было много других представителей советской науки, например, хозяйственно-правовой, произведения которых безвозвратно ушли в историю вместе с той действительностью, апологетами которой они выступали.

Необходимо отметить еще одну черту О. С. Иоффе как ученого – постоянное переосмысление сложнейших теоретических проблем в юридической науке. Это естественно, поскольку наука не стоит на месте. Находились коллеги, которые обвиняли О. С. Иоффе в противоречивости теоретического развития, когда он уточнял свои выводы по какой-либо теоретической проблеме. В настоящем издании публикуются как раз те работы О. С. Иоффе, в которых были заложены основы его теоретических взглядов по проблемам правоотношения и ответственности по гражданскому праву. Впоследствии О. С. Иоффе неоднократно возвращался к этим проблемам в других своих работах и, разумеется, уточнял свои взгляды по ним.

В 1947 г. О. С. Иоффе защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правоотношение по советскому гражданскому праву». В 1949 г. диссертация была опубликована в виде моно-

графии и, как отмечают современники, «оказала заметное влияние на развитие как цивилистической мысли, так и общей теории права»⁴.

Действительно, среди многообразных проблем юридической науки проблема правоотношения, несмотря на ее интенсивную разработку в последние десятилетия, и сейчас остается центральной и крайне спорной. С тем большим основанием можно говорить об актуальности избранной О. С. Иоффе темы диссертационного исследования в те, теперь уже далекие сороковые годы прошлого века. Молодому человеку, недавно вернувшемуся с войны, нужна была большая смелость, чтобы взяться за исследование такой трудной, имеющей методологическое значение научной темы, какой являлась тема правоотношения по гражданскому праву.

Поражает стройность исследования и логическая последовательность рассматриваемых вопросов – сначала общие вопросы (общественная природа правового отношения, основные черты и структурные особенности гражданского правоотношения), затем элементы гражданского правоотношения (содержание, объект, субъектный состав и основания возникновения).

По определенному, логически единому плану выстроена и внутренняя структура работы. Исследование каждого вопроса темы начинается с краткого введения, поясняющего подходы автора к проблеме; затем следует часть, в которой излагаются буржуазные концепции по соответствующей проблеме; в завершающей части показывается состояние уровня исследования указанного вопроса в советской цивилистической литературе. При этом анализ различных научных точек зрения (как тех, которые выражены в буржуазной юридической науке, так и тех, которые были высказаны советскими учеными) сопровождается авторской критической оценкой, обоснованием собственных взглядов на затрагиваемые в работе проблемы.

Такой основательный подход к исследованию позволил О. С. Иоффе сделать много важных и новых для своего времени теоретических выводов, нашедших впоследствии развитие в более поздних трудах, с которыми новые поколения ученых-юристов безошибочно связывают имя О. С. Иоффе. Воспроизведем некоторые положения работы.

Анализу основных черт и структурных особенностей гражданского правоотношения автор предпосылает исследование более общего вопроса об общественной природе правового отношения вообще. Определяя правовое отношение как особый вид общественных отношений, автор устанавливает, с одной стороны, формы, в которых проявляется связь общественных отношений и правоотношений как общественных отношений особого рода, с другой – особенности самого правоотношения как общественного отношения. О. С. Иоффе делает следующие выводы: «Рассматриваемое под углом зрения взаимосвязи с общественными отношениями, особым видом которых оно является, правовое отношение есть не что иное, как условие существования или преобразования, способ движения и конкретизации, средство закрепления общественных отношений, угодных и выгодных господствующему классу...»⁵; «рассматриваемое под углом зрения характеризующих его специфических признаков, в силу которых оно отличается от иных общественных отношений, есть не что иное, как регулируемое правом отношение между конкретными лицами, взаимное поведение субъектов которого закреплено юридически и осуществление которого обеспечивается силой государственного принуждения»⁶.

Переходя к характеристике гражданского правоотношения, О. С. Иоффе отмечает, что общественное отношение, принимая правовую форму, становится не вообще правоотношением, а отношением, регулируемым определенной отраслью права. Поэтому, «наряду с общими признаками всякого правоотношения, последнее приобретает ряд специфических

⁴ Толстой Ю. К. Развитие цивилистической мысли в Ленинградском – Санкт-Петербургском университете (1944–1994 гг.) // Правоведение. 1994. № 5–6. С. 9.

⁵ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 523.

⁶ Там же. С. 525.

черт, предопределяемых характером той отрасли права, к сфере регулирования которой оно относится. Такими специфическими чертами обладает и гражданское правоотношение, которые и должны быть выявлены для того, чтобы из целой совокупности самых разнообразных правовых связей выделить отношения, регулируемые нормами гражданского права». ⁷

Определяя особенности гражданского правоотношения, основное внимание автор уделяет разграничению отношений гражданского и административного права, поскольку «иногда одни и те же общественные отношения могут оформляться как по типу гражданских, так и по типу административных правоотношений»⁸. О. С. Иоффе отмечает, что для решения этого вопроса имеет значение не только изучение предмета, но и анализ метода гражданско-правового регулирования. «Предмет является решающим фактором, поскольку он в конечном счете определяет и характер метода правового регулирования»⁹. При этом автор особо подчеркивает весьма важную мысль, заключающуюся в том, что необходимо «установить объективные причины и факторы, в силу которых одни общественные отношения строятся по гражданско-правовому, тогда как другие виды таких же отношений (а на различных исторических этапах – одни и те же общественные отношения) строятся по административно-правовому типу»¹⁰.

В результате исследования указанной проблемы О. С. Иоффе делает вывод о том, что «правовой метод, устанавливаемый государством для регулирования определенной совокупности общественных отношений, предопределяется не только предметом регулирования, но и совокупностью всех материальных потребностей общества, вырастающих из материальных условий его жизни. Предмет регулирования определяет *границы выбора* между объективно и абстрактно применимыми к нему правовыми методами. В зависимости от характера предмета эти границы могут быть и более широкими и более узкими, заключая в себе несколько возможных или единственно возможный правовой метод. Совокупность всех материальных потребностей общества, вырастающих из материальных условий его жизни, определяет выбор и закрепление *конкретного* метода правового регулирования из числа тех правовых методов, возможность применения которых к данным общественным отношениям допускается в силу характера самих этих отношений»¹¹. Являясь имущественными отношениями, а также отношениями, связанными с личными неимущественными правами граждан, гражданские правоотношения отличаются от административных правоотношений: «а) *по общему характеру построения* (отношения равенства; отношения власти и подчинения), б) *по субъектному составу* (отношения с органом, осуществляющим хозяйственную функцию; отношения с органом, осуществляющим функцию организации и управления), в) *по объекту* (правоотношения, связанные с хозяйственной деятельностью данного органа; правоотношения, связанные с его организационно-управленческой деятельностью), г) *по объему правомочий и обязанностей* (обязанность, соответствующая правомочию как притязанию; обязанность, соответствующая правомочию как велению)»¹².

Переходя к исследованию содержания гражданского правоотношения, О. С. Иоффе замечает, что правовое отношение как общественное отношение особого рода обнаруживает себя прежде всего в том, что его участники выступают в качестве носителей прав и обязанностей, и если в этом состоит специфика правового отношения, то, по-видимому, и его содержание находится в непосредственной связи с характером и содержанием правомочий и обязанностей его участников. Специфику содержания субъективного права автор видит не в

⁷ Там же. 527.

⁸ Там же. С.528.

⁹ Там же. С.537.

¹⁰ Там же. С.542.

¹¹ Там же. С.546–547.

¹² Там же. 541–542.

дозволенности действий, не в праве на свои собственные действия (как С. Н. Братусь¹³), а в возможности этих действий, возникающей вследствие обеспечения определенного поведения обязанных лиц. Соответственно, правовая обязанность является средством обеспечения такого поведения ее носителя, в котором нуждается управомоченный и которое государство признает обязательным.

О. С. Иоффе, полемизируя с М. М. Агарковым, понимающим под содержанием правоотношения не права и обязанности, а поведение обязанного лица¹⁴, отмечает: «... содержание правоотношения уже потому нельзя сводить к действиям обязанного лица, что моменты реального совершения этих действий и возникновения самого правоотношения во времени не совпадают... Одновременно с правоотношением возникает не самое поведение обязанного лица, а лишь юридическое средство обеспечения такого поведения – субъективное право и правовая обязанность»¹⁵.

По М. М. Агаркову, содержанием правоотношения является поведение обязанных лиц, а объектом – вещь или во всяком случае «прежде всего вещь», на которую направлено это поведение¹⁶. Полемизируя с М. М. Агарковым и развивая взгляды Я. М. Магазинера¹⁷ по вопросу об объектах прав, О. С. Иоффе обосновывает положение о том, что «нельзя относить к их числу вещи, которые не способны реагировать на действие, оказываемое правом. К реагированию на это действие способно только поведение, только оно, следовательно, и является объектом гражданских прав»¹⁸.

Вопрос о субъектном составе гражданских правоотношений рассматривается в работе в связи с разделением гражданских прав на абсолютные и относительные, вещные и обязательственные.

Наконец, последняя глава работы посвящена юридическим фактам как основаниям возникновения гражданских прав и правоотношений. В ней дается детальная классификация юридических фактов, показывается их роль в динамике гражданских правоотношений: собственности, обязательственных, наследственных, семейных.

Завершая краткую характеристику работы О. С. Иоффе, посвященной правоотношению по гражданскому праву, нельзя не отметить следующее. Являясь пионерской, широкой по охвату проблем, синтетической, к тому же выполненной молодым ученым, анализируемая работа не могла не содержать ряд частных не до конца проработанных положений. Критики, разумеется, воспользовались этим, что в свою очередь заставило О. С. Иоффе неоднократно возвращаться к проблематике гражданского правоотношения, уточняя свою позицию по ряду вопросов¹⁹.

В частности, весьма оригинальным и продуктивным, на мой взгляд, является уточненный О. С. Иоффе подход к определению содержания и объекта гражданского правоотношения.

Полемизируя со своими критиками, определяя соотношение нормы права, правоотношения и общественного отношения, О. С. Иоффе отмечает, что «правоотношение, рассматриваемое как явление надстроечное, представляет собой вид или форму, в которую облекается урегулированное правом общественное отношение. Из этого следует, что *материальное* содер-

¹³ Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве // Ученые труды ВИЮН Министерства юстиции СССР. 1947. Вып. XII. С. 10–33.

¹⁴ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые записки ВИЮН НКЮ СССР. Вып. III. 1940. С. 22

¹⁵ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. С. 566–567.

¹⁶ Агарков М. М. Указ соч. С. 22.

¹⁷ Магазинер Я. М. Советское хозяйственное право. Л., 1928. С. 174.

¹⁸ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. С. 604.

¹⁹ См., например: Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Избранные труды по гражданскому праву. С. 649; На философском семинаре юридического факультета Ленинградского университета // Правоведение. 1958. № 2. С. 160.

жание всякого правоотношения составляет то общественное отношение, которое им закрепляется. Наряду с материальным, правоотношение, как явление идеологического порядка, обладает и своим особым, относительно самостоятельным, *идеологическим* содержанием... Таким содержанием является воля господствующего класса, которая, будучи выраженной в нормах права, индивидуализируется в возникающих в соответствии с ними правоотношениях... Наконец, правоотношение как *правовое* явление обладает и своим особым *юридическим* содержанием, которое, на наш взгляд, воплощается в субъективных правах и обязанностях его участников»²⁰.

В соответствии с обновленным определением содержания правоотношения О. С. Иоффе уточняет и определение объекта правоотношения. Он пишет: «Так как всякое явление воздействует на определенный объект своим содержанием, то у правоотношения должен быть не только юридический, но также идеологический и материальный объект. Юридическое содержание правоотношения образуют права и обязанности его субъектов, а юридическим объектом правоотношения будет то, на что эти права и обязанности направлены... поведение обязанного лица является объектом... правоотношения. Идеологическое содержание правоотношения образует воля господствующего класса, которая, будучи выраженной в нормах права, индивидуализируется в субъективных правах и обязанностях, принадлежащих участникам правоотношения... воля... участников правоотношения ставится в подчинение воле господствующего класса... является идеологическим объектом правоотношения... Материальное содержание правоотношения составляет то общественное отношение, которое им закрепляется... Если данное правоотношение так или иначе связано с вещью, то вещь выступает в качестве его материального объекта»²¹.

По прошествии семи лет с момента защиты кандидатской диссертации, в 1954 г., О. С. Иоффе в возрасте 34 лет защитил докторскую диссертацию на тему: «Ответственность по советскому гражданскому праву», изданную в 1955 г. в виде монографии, в которой «первые в науке советского гражданского права вопросы гражданско-правовой ответственности поставлены в широком плане и рассмотрены всесторонне»²². По отзывам ученых, «монография представляет собой интересное исследование одной из основных проблем советского гражданского права, широкое по охвату темы и богатое по материалу»²³.

Действительно, проблематика юридической ответственности была актуальной не только в то время, когда писал свою работу О. С. Иоффе, она актуальна и сегодня. Думаю, не ошибусь, если скажу, что катализатором разгоревшейся в последующие годы дискуссии по проблемам юридической ответственности в значительной степени была эта работа О. С. Иоффе.

Разумеется, о гражданско-правовой ответственности писали и до 1955 г., однако тогда ставились и освещались вопросы не гражданско-правовой ответственности в целом, а ее отдельных видов – ответственности договорной или внедоговорной, ей посвящались лишь отдельные главы учебников и монографий. Монографического исследования ответственности по гражданскому праву не было. Между тем, как отмечал О. С. Иоффе, «помимо различий названные виды гражданско-правовой ответственности обладают целым рядом общих черт, имеющих принципиальное научно-теоретическое и практическое значение. К их числу... относятся *принципы*, на которых зиждется ответственность по советскому гражданскому праву... *условия* возникновения гражданско-правовой ответственности... то же самое следует сказать и *об объеме* ответственности, которой подвергается нарушитель договорного обяза-

²⁰ Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о правоотношении. С. 665–666.

²¹ Там же. С. 678–679.

²² Каминская П., Грибанов В. Рецензия на книгу О. С. Иоффе «Ответственность по советскому гражданскому праву». ЛГУ. 1955 // Социалистическая законность. 1956. № 5. С. 85.

²³ Халфина Р. О. Рецензия на книгу О. С. Иоффе «Ответственность по советскому гражданскому праву». ЛГУ. 1955 // Советское государство и право. 1956. № 7. С. 134.

тельства или причинитель внедоговорного вреда... Необходимо определить самое понятие гражданско-правовой ответственности»²⁴.

В семи главах книги последовательно рассматриваются понятия и принципы, субъекты, условия (противоправность, вина, убытки, причинная связь) и объем ответственности по гражданскому праву. Отличительной особенностью работы является ее насыщенность примерами из судебной практики, иллюстрирующими чуть ли не каждый тезис автора, что делает ее ясной и доходчивой для читателя.

Эта монография О. С. Иоффе, не потерявшая своего научного значения и сегодня, является основой для изучения природы гражданско-правовой ответственности. В Общей части Гражданского кодекса РФ мы находим общие положения о гражданско-правовой ответственности (например, правила о возмещении убытков), которые по сути отражают выводы, сделанные О. С. Иоффе в своей работе.

Важнейшим результатом исследования, проведенного О. С. Иоффе, является определение общего понятия ответственности по гражданскому праву: «1) она является *санкцией* за нарушение гражданских законов, обеспеченной *убеждением* и *государственным принуждением* или его *возможностью*; 2) в ее основе лежит *общественное осуждение* поведения правонарушителя и *стимулирование* его к определенной деятельности в интересах общества при отсутствии оснований для осуждения поведения ответственного лица; 3) она выражается в форме *восстановления* нарушенных отношений и в форме установления *отрицательных* последствий для правонарушителя в целях обеспечения условий нормального развития регулируемых... гражданским правом... общественных отношений»²⁵.

Сохраняют свое значение и принципы гражданско-правовой ответственности, к которым автор отнес: законность, полное возмещение, ответственность за вину. Принцип законности является общим принципом права. Что же касается остальных принципов, то их теоретическое и практическое значение подтверждено временем. Принцип полного возмещения, отмечает О. С. Иоффе, обеспечивает последовательное проведение в жизнь начала эквивалентности в отношениях между обществом и его членами не только тогда, когда эти отношения реализуются нормально, но и тогда, когда они нарушены; стимулирует восполнение или по крайней мере сведение до минимума величины причиненного ущерба²⁶. Принцип ответственности за вину способствует развертыванию широкой инициативы людей, которые получают возможность свободно и беспрепятственно устанавливать допускаемые законом отношения, так как им нечего опасаться различных случайностей, и только собственная нерадивость и безответственность каждого в отдельности может быть вменена ему в вину. В тех же случаях, когда лицо нарушает свои обязанности, привлечение его к ответственности, основанное на началах вины, является действенной формой напоминания ему от имени государства о том, что он не принял всех необходимых мер к выполнению своего долга, что его поведение не соответствует требованиям, которые общество предъявляет к своим членам. О. С. Иоффе допускает отступление от принципа ответственности за вину, если в определенных отношениях применение этого принципа не обеспечивает достижения необходимых обществу целей. Ответственность за невиновное, случайное причинение ущерба устанавливается в целях стимулирования необходимого поведения²⁷.

Рассматривая вопрос о субъектах гражданско-правовой ответственности, О. С. Иоффе основное внимание сосредоточивает на сущности юридического лица – вопросе, являющемся спорным и в настоящее время. Он отмечает, что ответственность возникает лишь при наличии

²⁴ Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 4.

²⁵ Там же. С. 17.

²⁶ Там же. С. 25.

²⁷ Там же. С. 28–29.

определенных условий, создаваемых поведением лица, которое привлекается к ответственности, и пытается ответить на вопрос, в чем именно поведении эти условия должны быть сосредоточены. В результате анализа различных точек зрения по вопросу о «людском субстрате» юридического лица (теории государства, теории директора, теории коллектива) автор приходит к выводу, что «ни теория государства, ни теория директора не могут быть использованы для обоснования и объяснения ответственности юридических лиц... Эта задача... оказывается, однако, вполне разрешимой для теории коллектива... Если юридическое лицо – это коллектив трудящихся... то и действия участников этого коллектива, совершенные в связи с выполнением их трудовых функций, являются действиями самого юридического лица... ответственность последнего является ответственностью не за чужие, а за свои собственные действия»²⁸.

Далее автор исследует объект и формы противоправного поведения. Под объектом гражданского правонарушения он понимает норму права и правоотношение, которые при всем их различии представляют собой единый объект посягательства при совершении гражданского правонарушения. Под формами противоправного поведения О. С. Иоффе понимает как противоправное действие, так и противоправное бездействие.

Значительную часть работы занимает глава, посвященная вине. Здесь рассматриваются вопросы содержания вины, презумпции виновности, степени виновности, смешанной вины, ответственности за чужую вину и ответственности без вины.

Вина определяется как психическое отношение правонарушителя к совершенному им противоправному действию или бездействию, а также к наступившему результату. Автор пишет, что в гражданском праве, в отличие от уголовного права, виновность правонарушителя предполагается – каждый совершивший объективно противоправное действие предполагается виновным до тех пор, пока не будет доказано противное. Вине в гражданском праве присущи следующие степени: умысел, грубая неосторожность и простая неосторожность. В книге дается детальная характеристика каждой из указанных степеней вины, показывается их практическое значение.

В случаях, когда имеет место вина потерпевшего, возникает теоретическая и практическая проблема смешанной вины, которая также подробно исследуется в работе.

В монографии поднимается дискуссионная и имеющая практическое значение проблема ответственности за чужую вину: ответственности должника за действия лиц, на которых было возложено исполнение обязательства; ответственности юридического лица за вред, причиненный его работниками; ответственности родителей за вред, причиненный их детьми. О. С. Иоффе по существу отвергает конструкцию ответственности за чужую вину, доказывая, что во всех указанных случаях имеет место ответственность за свою вину.

Наконец, еще одна важная проблема – ответственность независимо от вины лица, причинившего ущерб. Автор отмечает, что такая ответственность, не будучи связанной с виной причинителя, служит средством осуществления предупредительно-воспитательной функции гражданского права в специфической области общественных отношений (отношений по использованию техники)²⁹. Стимулируя широкое внедрение техники безопасности и возложение ответственности за случайное причинение вреда, соответствующие нормы обеспечивают удовлетворение и охрану потребностей и интересов личности.

Одним из условий ответственности по гражданскому праву является причинная связь между противоправным поведением и наступившим результатом. По мнению О. С. Иоффе,

²⁸ Там же. С. 66–67.

²⁹ Там же. С. 184, 191. В настоящее время такой областью общественных отношений, в частности, являются отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием. Предприниматели несут ответственность за нарушение обязательства независимо от вины, если иное не предусмотрено законом или договором (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

«уже из самого понятия причинной связи следует, что она включает в себя как наступивший результат, так и вызвавшие его причины, а также причинно-следственную зависимость между ними»³⁰. Именно поэтому глава работы, посвященная причинной связи, начинается с рассмотрения вопроса об убытках как результате гражданского правонарушения, затем исследуется неправомерное поведение как причина убытков, а завершается глава параграфом о причинной связи.

Говоря об убытках, автор ратует за сохранение в законодательстве деления убытков на два вида: положительный ущерб в имуществе и упущенную выгоду. Что же касается деления убытков на прямые и косвенные, то О. С. Иоффе делает вывод, что это по сути проблема причинной связи в гражданском праве: «Прямые убытки находятся в юридически значимой причинной связи с неправомерным поведением, которая отсутствует при наступлении косвенных убытков»³¹.

Рассматривая различные теории причинной связи (теорию типичного причинения, теорию необходимого условия, теорию причинности), О. С. Иоффе занимает самостоятельную позицию по этому вопросу. Он предлагает опираться на понятия возможности и действительности, которые позволяют установить, какая именно степень причинения должна быть создана правонарушителем, чтобы она могла служить основанием ответственности. «Причинная связь между поведением человека и наступившим результатом приобретает правовое значение лишь при том условии, что это поведение вызвало действительность результата или, по крайней мере, создало конкретную возможность его наступления. Обстоятельствами, превращающими возможность в действительность, признаются такие факты, причиняющая сила которых проявила себя в индивидуальных особенностях наступивших последствий. Если эти обстоятельства носят объективно повторяющийся характер и в связи с ними находится поведение человека, то это означает, что оно создало конкретную возможность результата. При объективной неповторяемости в данной конкретной ситуации тех же обстоятельств находящееся в связи с ними поведение создает лишь абстрактную возможность результата, исключая ответственность»³².

Последняя часть работы посвящена определению объема ответственности по гражданскому праву. Здесь рассматриваются вопросы о значении и практическом применении принципа полного возмещения, проблемы, связанные с особенностями возмещения убытков, причиненных юридическим лицам и гражданам, а также взысканием штрафных санкций (неустойки).

Работы О. С. Иоффе об ответственности по гражданскому праву и о правоотношении по гражданскому праву были новаторскими для своего времени. В значительной степени они сохранили свое научное значение и сегодня, являясь образцом выполнения диссертационного исследования. Это, на мой взгляд, объясняется тем, что О. С. Иоффе (какой бы спорной ни была его собственная позиция по рассматриваемому вопросу) всегда считал необходимым показать весь диапазон взглядов на проблему, аргументированно опровергал либо отстаивал те или иные взгляды и на этой основе делал свои выводы, показывал не только теоретическое, но и практическое значение исследуемой проблемы.

Вспоминаю, как аспиранты О. С. Иоффе, включая меня, раз в две-три недели сдавали ему темы по гражданскому праву. Он требовал от нас знания всех основных точек зрения по контролируемой теме и доказательств в пользу тех или иных взглядов либо в их опровержение. Он имел на это право, поскольку это была его планка знаний, и он старался подтянуть до нее нас, своих учеников.

³⁰ Там же. С. 203.

³¹ Там же. С. 210.

³² Там же. С. 233.

Думаю, что переиздание работ О. С. Иоффе, которые в начале 80-х годов прошлого века были изъяты из библиотек, позволит восстановить справедливость, сделав их доступными для новых поколений молодых ученых, посвятивших себя цивилистике.

*Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета
В. Ф. Попондопуло*

Правоотношение по советскому гражданскому праву

Ответственный редактор профессор С. И. Аскназий

Глава I

Общественная природа правового отношения. Правовое отношение как особый вид общественных отношений

Проблема правоотношения – одна из наиболее сложных и в то же время наименее разработанных проблем правовой науки.

Буржуазная юриспруденция, рассматривая правоотношение изолированно от других общественных отношений и анализируя его лишь с правно-описательной, догматико-нормативной точки зрения, не могла в своих выводах пойти дальше чисто формальных, лишь по внешней видимости логически законченных определений, являющихся, по существу, результатом предварительного, только еще начинающегося исследования. Согласно предложенным ею определениям, правоотношение является отношением, регулируемым или признаваемым правом, либо жизненным отношением, к которому право присоединяется.

Не касаясь вопроса о том, в какой мере эти определения соответствуют чисто техническим и непосредственным практическим требованиям, можно во всяком случае сказать, что они не решают проблему по существу, ибо, несмотря на их специфику, правоотношения не удалены от других общественных отношений, а находятся в тесной и непосредственной связи с последними. Установление этой связи только и может позволить определить роль и значение правовых отношений в общественной жизни, а на этом основании выявить их особые свойства и установить их специальное назначение³³. Исходным принципом для разрешения вопроса в такой его постановке должно служить то общеизвестное и общепринятое в советской юридической науке положение, согласно которому всякое правоотношение существует только как взаимное отношение людей и является общественным отношением.

Но, с другой стороны, не всякое взаимное отношение людей, не всякое общественное отношение есть в то же время отношение правовое. Правовые отношения составляют особый вид общественных отношений. Будучи тесно связанными с иными взаимными отношениями людей в реальной общественной жизни, они не только не утрачивают своей специфики, а, напротив, именно благодаря этой специфике приобретают большое общественное значение, играя в высшей степени важную роль и занимая вполне определенное, достаточно значительное место в кругу иных общественных отношений. Поэтому, характеризуя правоотношение как общественное отношение, но как общественное отношение *sui generis*, необходимо подвергнуть его параллельному анализу как с точки зрения связи, в которой оно находится с иными общественными отношениями, так и с точки зрения специфики, благодаря которой оно выступает в качестве общественного отношения особого рода.

³³ Решающее значение для советской науки права приобретает в этой связи известное указание Маркса на то, что «правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XII, ч. I, стр. 6), а должны изучаться соответственно их реальному историческому и классовому содержанию.

1

Товарищ Сталин, распространяя выявленные им основные черты диалектического метода на процессы общественного развития, указывает, что, подобно связи и взаимной обусловленности явлений природы, «связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни – представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества»³⁴. Эти закономерности, как известно, представляют собою не что иное, как закономерности развития производительных сил и производственных отношений, образующих в своем единстве «экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»³⁵. Правовые отношения как отношения идеологические³⁶ составляют один из элементов возвышающейся над экономическим базисом общества юридической и политической надстройки. Этим наиболее общим образом определяется их место среди иных общественных отношений, а также характер и содержание, которые они приобретают при определенных исторических условиях в соответствующей социально-экономической формации.

Но к области юридической и политической надстройки, наряду с правом и правовыми явлениями, относятся и другие общественные явления, другие «идеологические формы» – формы политические, религиозные, философские, а в сфере отношений, вырастающих из экономических условий общественной жизни, наряду с правовыми, сосредоточены также другие отношения, в которые люди вступают друг с другом в процессе взаимного общения. Имея правовые отношения в качестве одного из специальных предметов своего исследования, юридическая наука должна поставить и разрешить более конкретный вопрос – вопрос о непосредственной функции правовых отношений, об их связи с другими общественными отношениями и, прежде всего, с отношениями общественного производства, вопрос о том, как, каким образом, определяясь в своем содержании состоянием производительных сил и производственных отношений, правовые отношения могут оказать и действительно оказывают на них обратное воздействие и каков характер этого воздействия.

При ближайшем анализе правовых отношений во взаимосвязи с отношениями общественного производства обнаруживается, что последние в процессе своего движения постоянно порождают возникновение и непрерывную модификацию возникших на их основе правовых отношений, выступающих в качестве необходимой внешней предпосылки и внешнего способа движения общественно-производственных отношений. Это достаточно наглядно проявляется уже при самом беглом обозрении производственного цикла, прослеженного во всех его последовательно сменяющих друг друга стадиях – от производства в собственном смысле как начальной стадии до потребления как заключительной стадии этого цикла.

При капиталистическом способе производства смена отдельных стадий производственного цикла, как и движение каждой из этих стадий, обуславливают возникновение, изменение и последующее осуществление самых разнообразных правовых отношений.

«Всякое производство, – указывает Маркс, – есть присвоение индивидом предметов природы внутри и посредством определенной общественной формы... Ни о каком производстве, а стало быть ни о каком обществе не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности»³⁷. Наличие определенной формы собственности составляет главную предпосылку всякого способа производства, поскольку всякое производство, являясь присво-

³⁴ *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 544.

³⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XII, ч. I, стр. 6.

³⁶ О специфике идеологических отношений см. *В. И. Ленин*, Соч., т. I, стр. 61, 70.

³⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XII, ч. I, стр. 177.

ением индивидом предметов природы, не только приводит к образованию собственности, но и в своем исходном движении опирается на существующие отношения собственности, которыми определяется общественный характер присвоения, осуществляемого в процессе производства. Процесс производства есть в то же время процесс присвоения, протекающий в «определенной общественной форме», – в этом смысле марксово понятие собственности охватывает собою понятие совокупности производственных отношений, для которых право собственности является юридической формой их выражения³⁸, но притом формой, вне которой в классовом обществе собственность существовать не может.

Эти общие положения исторического материализма, применимые ко всем классовым социально-экономическим формациям, само собою разумеется, относятся также и к капиталистическому способу производства, главная предпосылка которого – собственность – всегда проявляется вовне в юридической форме. Последняя закрепляется в нормах права, а отношения собственности приобретают тем самым характер правовых отношений.

Но собственность, в частности собственность на средства производства, выражающая на первый взгляд только известное фактическое, юридически закрепленное состояние, приобретает реальное значение лишь постольку, поскольку она приводится в движение трудом, вследствие соединения рабочей силы со средствами производства, осуществляющегося определенным общественным способом и в определенной общественной форме. В капиталистическом обществе соединение рабочей силы со средствами производства осуществляется методом экономического принуждения, а юридически это соединение фиксируется заключением договора о найме рабочей силы, т. е. установлением трудовых правоотношений. То обстоятельство, что в эпоху капитализма рабочая сила соединяется со средствами производства при помощи такого юридического способа – путем установления трудовых правоотношений на основе «добровольно» заключенных договоров, – вытекает из самого характера капиталистических производственных отношений. Но, с другой стороны, поскольку движение последних в качестве одного из своих решающих условий предполагает приложение к средствам производства чужого труда, обеспечиваемое при помощи указанных специфически-юридических форм, то вне этих форм не может протекать и самый процесс капиталистического производства.

Соединение рабочей силы со средствами производства, осуществляющееся на основе экономического принуждения таким чисто юридическим методом, в свою очередь порождает и специфический правовой порядок оформления распределения общественного дохода между двумя основными классами капиталистического общества, который сам по себе предопределен экономически. Распадение общественного дохода при капиталистическом способе производства на вновь созданную прибавочную стоимость и воспроизведенный переменный капитал предопределяется теми позициями, которые класс капиталистических собственников и класс наемных рабочих занимают в общественном производстве. Юридически же такое распределение общественного дохода основано на том, что, в соответствии с трудовым договором, рабочий приобретает право на получение эквивалента отчужденного им товара рабочей силы, стоимость которой определяется суммой стоимостей средств ее воспроизводства, а остальная часть вновь созданной стоимости в виде чистой прибыли поступает в распоряжение того, чьими средствами она была создана, т. е. в распоряжение капиталиста. Отношение между двумя классами, выраженное экономически в распадении вновь созданной стоимости на воспроизведенный переменный капитал и произведенную прибавочную стоимость, юридически фиксируется в правоотношении между двумя конкретными лицами, из которых одно лицо, рабочий, имеет право требовать, а второе лицо, капиталист, обязано уплатить эквивалент стоимости приобре-

³⁸ См. там же, стр. 6.

тенного им товара рабочей силы с тем, что все, созданное сверх этого эквивалента, поступает в распоряжение капиталиста как собственника «мертвых факторов» производства.

Капиталистически произведенный товар интересует его собственника не как потребительная стоимость, а как стоимость меновая, которая в своем чистом виде, в денежной форме, может быть реализована лишь при том условии, что будет найден способ возмездной передачи товара тому, для кого он представляет интерес в своем качестве потребительной стоимости. Экономически возможность реализации товара обуславливается общественным разделением труда и всеобщей товарной формой капиталистического производства. Внешним же образом самый процесс реализации протекает в форме разнообразных гражданско-правовых сделок, при помощи которых осуществляется отчуждение товарной стоимости и извлечение из оборота ее денежного эквивалента. Кроме того, являясь одним из юридических средств обеспечения нужд личного потребления в необходимых материально-вещественных элементах, гражданско-правовые сделки, с другой стороны, образуют также исходный пункт для начальной стадии нового производственного цикла, поскольку при их помощи из сферы обращения извлекаются необходимые элементы материального производства, поступающие в так называемое производительное потребление.

В связи с тем, что извлечение денег из оборота представляет собою необходимую стадию, через которую нужно пройти для того, чтобы вновь бросить их в обращение, с целью приобретения необходимых факторов последующих производственных циклов, то, отвлекаясь от этой стадии, можно было бы сказать, что гражданско-правовые сделки и возникающие на их основе гражданские правоотношения представляют собою юридический способ разделения товарной массы на две части: на ту часть, которая поступает в индивидуальное потребление, и на ту часть, которая поступает в потребление производительное. Первая часть выпадает из общественной сферы, поступает в личное распоряжение индивида и используется для непосредственного удовлетворения его личных нужд, а вторая – остается в общественной сфере, поступает в распоряжение предпринимателя и используется для непосредственного удовлетворения нужд капиталистического производства. Производительное потребление образует исходный момент нового производственного цикла, а следовательно, и нового повторения всех его стадий и тех юридических форм, в которых они протекают.

Из этого схематического описания целого цикла капиталистического производства видно, в какой тесной и неразрывной связи правовые отношения находятся с отношениями производственными. Капиталистическое производство в процессе движения его различных стадий постоянно порождает самые разнообразные правоотношения, которые выступают в качестве внешнего условия этого движения. Смена одной стадии производственного цикла другой его стадией влечет за собою прекращение одних и возникновение новых правовых отношений. В каждом из этих правовых отношений общественно-производственные отношения между основными классами капиталистического общества выражаются в виде отношений между конкретными лицами как представителями этих различных классов или одного и того же класса. Следовательно, правовые отношения являются не только условием движения, но и средством конкретизации тех общественно-производственных отношений, которыми они порождаются.

Общий характер капиталистических производственных отношений вынуждает класс наемных рабочих продавать свою рабочую силу. Но это обстоятельство само по себе не создает еще непосредственной расстановки рабочих на отдельных капиталистических предприятиях. Такая задача, смысл которой состоит в том, чтобы придать известную устойчивость условиям производства на каждом отдельном капиталистическом предприятии, должна быть решена не в виде общей экономической возможности, а конкретно в каждом отдельном случае правовым методом, путем установления конкретных правовых отношений.

Точно так же обстоит дело и с реализацией товарной массы. Описанные Марксом схемы простого и расширенного капиталистического воспроизводства³⁹ указывают на абстрактную возможность реализации товаров, путем обмена между I и II подразделениями общественного производства и внутри каждого из этих подразделений. Но это – лишь абстрактная экономическая возможность. Для того чтобы она стала действительностью, в каждом конкретном случае должен быть найден реальный контрагент, и при помощи гражданско-правовых сделок должна быть осуществлена фактическая реализация товаров.

Таким образом, правовые отношения являются не только условием движения и средством конкретизации, но также и способом закрепления общественно-производственных отношений. Правовые отношения, регулируемые нормами буржуазного права, опосредствуют движение капиталистических производственных отношений, классовое содержание которых получает в них конкретизированное и закрепленное выражение. Но в то же время абстрактно-юридический характер правовых отношений придает выражающимся в них капиталистическим производственным отношениям классово-обезличенную видимость, видимость отношений между абстрактными и равноправными правовыми субъектами. Буржуазные правовые отношения, фактически закрепляя антагонистические производственные отношения капитализма, маскируют их классовое содержание и придают им бесклассовое и надклассовое выражение.

В социалистическом обществе право, а стало быть и правовые отношения играют большую роль в деле расширенного социалистического воспроизводства, осуществляемого государством в лице его органов, а также социалистическими объединениями трудящихся, действующими на основе и во исполнение государственных народнохозяйственных планов. Уже одно то обстоятельство, что наше государство, наряду с другими функциями, осуществляет также и хозяйственно-организаторскую функцию, получившую особое развитие во второй фазе советского государства⁴⁰, свидетельствует о том, что хозяйственная деятельность в нашей стране не может протекать вне государственно-правового регулирования. Это обнаруживается как исторически, так и при последовательном рассмотрении отдельных стадий социалистического воспроизводственного процесса.

Прежде всего, социалистическая собственность как основное условие социалистического производства была первоначально создана в результате проведения в жизнь изданных после победы социалистической революции в нашей стране декретов о национализации, обеспечивших сосредоточение в руках советского государства командных высот народного хозяйства нашей страны и создавших экономическую базу для дальнейшего развития социалистических производственных отношений. Новым мощным источником создания предметов государственной социалистической собственности явилась производственно-хозяйственная деятельность советского государства в лице его организованных на началах хозяйственного расчета в качестве самостоятельных юридических лиц хозяйственных органов, которые в административно-правовом порядке были наделены основными и обособленными оборотными средствами, переданными им для самостоятельного оперативно-хозяйственного управления⁴¹.

Что же касается второй формы социалистической собственности, собственности колхозно-кооперативных объединений, то она создавалась путем добровольного обобществления определенных предметов собственности членов этих объединений, а также вследствие безвозмездной (в административно-правовом порядке) и возмездной (в порядке гражданско-пра-

³⁹ См. *К. Маркс*, *Капитал*, т. II, 1931, стр. 281–383.

⁴⁰ См. *И. В. Сталин*, *Вопросы ленинизма*, изд. 11-е, стр. 606.

⁴¹ Термин «оперативно-хозяйственное управление» мы употребляем в том смысле, какой ему придает проф. А. В. Венедиктов в своих работах «Право государственной социалистической собственности», *Вопросы гражданского права*, изд. АН СССР, 1945, а также «Органы управления государственной социалистической собственностью», *Советское государство и право*, № 5–6, 1940, и «Государственные юридические лица в СССР», *Советское государство и право*, № 10. 1940.

вовых сделок, заключаемых на основе административного акта) передачи в собственность колхозно-кооперативной системе мелких предприятий и других средств производства со стороны государства. Основным источником образования колхозно-кооперативной собственности в настоящее время является производственная деятельность этих объединений.

В основе производственной деятельности государственных хозяйственных органов и колхозно-кооперативных объединений лежит единый закрепленный в законе государственный народнохозяйственный план, который в качестве закона является сам по себе актом правового характера. Выполнение плановых заданий, возложенных на отдельные хозяйственные организации, составляет их юридическую обязанность, осуществление которой предписывается им законом о едином государственном плане развития народного хозяйства и конкретизация которой производится в разработанных на основе этого закона планах развития отдельных предприятий и объединений трудящихся. С другой стороны, юридическая самостоятельность отдельных производственных единиц и их взаимная хозяйственная связанность приводят к тому, что в процессе осуществления расширенного социалистического воспроизводства и в целях выполнения плана они вступают в самые разнообразные правовые отношения, направленные на реализацию произведенной продукции и на обеспечение нового производственного цикла необходимым количеством материалов, оборудования, топлива и т. д.

Правовые отношения этого рода в одних случаях порождаются административно-правовыми актами непосредственно (например, поставка автомашин. – Постановление СТО при СНК СССР от 7 апреля 1935 г.); в других случаях административный акт создает лишь обязанность заключить гражданско-правовую сделку, а возникающее в связи с этим правоотношение непосредственно порождается соглашением predeterminedенных административным актом сторон (например, поставка материалов, оборудования и топлива. – Постановление ЭКОСО при СНК СССР от 2 декабря 1938 г.). Административный акт может, далее, устанавливать лишь общее разрешение для заключения той или иной сделки, с тем, что вопрос о необходимости и целесообразности ее заключения в каждом конкретном случае решается сторонами самостоятельно (например, заключение договора контокоррента. – Постановление ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г.). Наконец, устанавливая определенное плановое задание, административный акт может и не предписывать создания конкретных правоотношений между определенными лицами, но хозорган-адресат этого планового задания, в соответствии с ним и в целях его исполнения, должен вступить в необходимые правовые отношения с другими хозорганами или кооперативно-колхозными организациями и гражданами⁴².

В различные правовые отношения, которые определяют административными актами (например, обязательства по хлебопоставкам) или регулируются общим образом (например, допущение продажи хлеба на рынке после выполнения обязательств по хлебопоставкам), вступают также и кооперативно-колхозные объединения в процессе реализации произведенной ими продукции и в целях приобретения необходимых материально-вещественных факторов дальнейшего производственного процесса.

Процесс расширенного социалистического воспроизводства осуществляется благодаря активному участию в нем советских граждан, прилагающих свой труд в социалистической системе хозяйства. Соединение рабочей силы со средствами производства, в строгом соответствии с нормами социалистического трудового законодательства, происходит, главным образом, на основе трудовых договоров, заключаемых между трудящимися и различными хозяйственными организациями и образующих юридическое основание для установления соответствующих трудовых правоотношений. В кооперативно-колхозных объединениях юридическим основанием установления трудовых правоотношений между этими объединениями

⁴² О гражданских правоотношениях, возникающих из плановых актов, см. подробнее у проф. М. М. Агаркова, «Обязательство по советскому гражданскому праву», Ученые труды ВИЮН НКЮ СССР, вып. III, стр. 115–137.

и их членами является самый факт членства, возлагающий обязанность на участников производственного процесса прилагать свой труд для его осуществления.

Случаи привлечения к труду в административно-правовом порядке имеют место либо тогда, когда такая необходимость вызывается особыми обстоятельствами места или времени (трудовая повинность для борьбы со стихийными бедствиями, трудовая мобилизация в военное время), либо тогда, когда государство производит определенные затраты на подготовку квалифицированных кадров (направление на работу после окончания вузов и техникумов, школ ФЗО и ремесленных училищ). Однако в последнем случае в административном порядке производится только направление на работу. Что же касается характера трудовых правоотношений, возникающих на этой основе, то они, по существу, ничем не отличаются от трудовых правоотношений, установленных на основе заключения трудовых договоров.

Участие советских граждан в распределении общественного дохода осуществляется либо в форме заработной платы, уровень которой регулируется законом, устанавливающим также различные системы оплаты труда, либо в форме непосредственного участия в распределении дохода данной кооперативно-колхозной организации на основе членства, в соответствии с количеством и качеством труда каждого ее члена. В результате приложения своего труда в социалистической системе хозяйства, в соответствии с установленными трудовыми правоотношениями, советские труженики приобретают право на вознаграждение за труд по его количеству и качеству на основе принципа социализма: «от каждого по его способностям, каждому по его труду».

Разнообразие правовых форм, в которых протекает процесс расширенного социалистического воспроизводства, выражается в различных правовых отношениях, устанавливаемых между государственными организациями, колхозно-кооперативными объединениями и отдельными гражданами на различных стадиях социалистического производственного цикла. Вне этих форм не может осуществиться процесс расширенного социалистического воспроизводства, а, следовательно, правовые отношения являются условием движения отношений социалистического производства. Поскольку же эти правовые отношения устанавливаются в соответствии с планом и во исполнение плана, то они являются средством реализации народнохозяйственного плана, средством, при помощи которого общее плановое задание, установленное для данного хозяйственного органа и для данного кооперативно-колхозного объединения, конкретизируется и закрепляется путем возложения обязанностей и предоставления прав участникам правоотношений сообразно с теми задачами, которые для них установлены планом в целом. Если выполнение народнохозяйственного плана в каждой отдельной отрасли производства государство возлагает на свои хозяйственные органы или на кооперативно-колхозные объединения, то они должны быть не только обозначены в плане в качестве адресатов общих плановых заданий, но и определены более конкретно как участники конкретных правовых отношений, закрепляющих их взаимные правовые позиции. Следовательно, правовые отношения являются также средством закрепления правовых позиций участников процесса социалистического воспроизводства в их хозяйственных и экономических взаимоотношениях, возникающих в связи с выполнением народнохозяйственного плана.

Отношения советского социалистического права опосредствуют движение социалистических производственных отношений. При этом правовая форма не только не обезличивает их социалистического содержания, а, напротив, придает последнему конкретизированное и закрепленное выражение, поскольку участники правовых отношений в самих этих отношениях выступают в качестве носителей прав и обязанностей, приобретенных ими в целях выполнения народнохозяйственного плана, в целях осуществления процесса расширенного социалистического воспроизводства. Объем конкретных прав и обязанностей социалистических организаций, как и характер и назначение устанавливаемых ими правовых отношений, не могут противоречить плану, в соответствии с которым протекает их хозяйственная деятель-

ность. Социалистический характер регулируемых советским правом юридических отношений есть прямое выражение характера социалистических производственных отношений, условием движения, способом конкретизации и средством закрепления которых они являются.

2

Если трудовые правоотношения, а также отношения административного и гражданского права, по типу которых оформляются отношения производства и обращения, наиболее тесно связаны с экономической структурой общества, то целый ряд других правоотношений, составляющих предмет регулирования иных отраслей права, а также некоторые административные и гражданские правоотношения, прямо не связанные со сферой производства и обращения, лишь в конечном счете определяются экономически, а в своем ближайшем содержании они сохраняют известную относительную самостоятельность и не отражают на себе экономических условий жизни общества непосредственно. В этом случае экономическая структура общества обуславливает возникновение правовых отношений через ряд посредствующих звеньев, в качестве которых могут выступать как другие общественные отношения, так и известные элементы сознания отдельных людей. При этом некоторые общественные отношения вначале существуют сами по себе и лишь при определенных условиях преобразуются в правовые отношения или выступают в качестве одного из оснований их возникновения, тогда как другие общественные отношения только и могут существовать как отношения правовые, прекращая свое существование вместе и одновременно с тем, как они утрачивают юридический характер.

Примером общественных отношений первого вида могут служить родственные отношения. Как известно, родственные отношения не во всех случаях связаны с наличием правомочий и обязанностей на стороне их участников, а следовательно, не всегда являются правовыми отношениями. Но при известных условиях эти отношения могут приобрести правовой характер, придающий им иное очертание, каким они не обладали до того времени. Например, два лица мужского пола, связанные друг с другом прямым родством второй степени (дед и внук), в юридическом отношении ничем не обязаны друг перед другом, – их связь носит только общественный (или даже естественный), а не юридический характер. Но родство, юридически иррелевантное до известного момента, может породить и новую правовую связь между этими лицами, если к нему присоединяются иные предусмотренные законом обстоятельства. Так, по советскому семейному праву, внук не обязан доставлять содержание деду, но эта обязанность может быть на него возложена, если дед, не имеющий иных источников существования, не может получить необходимых средств от своих детей (ст. 55 КЗ о БСО РСФСР). Разумеется, правовые отношения, возникшие между дедом и внуком, не охватывают собою полностью того комплекса отношений, в которых они находятся как родственники. Но этот комплекс дополняется теперь новым видом отношений, обладающим правовым характером, причем самое возникновение этого отношения было бы невозможно при отсутствии родственных отношений между его участниками. Следовательно, отношения родства должны быть признаны в этом случае, по крайней мере, предпосылкой возникновения правовых отношений, установление которых было обусловлено тем, что к родственным отношениям присоединился факт отсутствия тех лиц, которые в первую очередь должны алиментировать управомоченного субъекта рассматриваемого правоотношения. Отношения родства такой степени, как те, о которых идет речь, при прочих необходимых условиях предполагают, естественно, сами по себе моральную обязанность оказания материальной помощи. Но, превращаясь из морально-родственных в правовые отношения, они приобретают максимально возможную устойчивость и снабжаются необходимыми гарантиями их реального осуществления. Если бы по истечении некоторого времени у деда появилась возможность взыскивать алименты со своих детей, то соответствующая обязанность внука отпала бы, а вместе с тем прекратилось

и ранее возникшее правоотношение. Внук мог бы, конечно, и впредь оказывать материальную помощь своему деду, но это отношение, основывающееся только на факте родства и вытекающих отсюда нравственных обязанностях, не имело бы юридической силы и не обладало бы той устойчивостью, какую обладают правовые отношения.

Таким образом, в приведенном примере имеет место не простое присоединение правового отношения к комплексу родственных отношений, а превращение одного из составных элементов отношений родства в правовое отношение.

Примером общественных отношений второго вида могут служить отношения, возникающие в связи с предоставлением пособий многодетным и одиноким матерям. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., при наличии определенного числа детей матери назначается пособие по многодетности, а в связи с этим у нее возникает правоотношение с отделом по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям, в силу которого первая приобретает право требовать, а на второй возлагается обязанность произвести выплату соответствующего пособия. Разумеется, право многодетной матери на получение государственного пособия по многодетности возникает на реальной общественной почве, поскольку такое право обеспечивается любой многодетной матери, являющейся гражданкой СССР. Следовательно, наряду с законом и обстоятельствами, обусловившими его применение, возникновение соответствующего правоотношения в качестве своей предпосылки имеет и тот комплекс общественных отношений, в которых находится мать как лицо, обладающее советским гражданством. Но в то же время совершенно очевидно, что до возникновения данного правоотношения у многодетной матери не было никаких конкретных отношений с отделом по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям, преобразованных впоследствии в правовые отношения, и правоотношение, возникшее между ними, является, вообще, единственно возможным видом общественного отношения между отделом и многодетной матерью.

Таким образом, в приведенном примере имеет место не преобразование общественного отношения в отношение правовое, а возникновение нового общественного отношения, являющегося в то же время отношением правовым.

Если для первого вида общественных отношений правовые отношения служат способом их преобразования, то во втором случае они являются условием существования самого общественного отношения. Что же касается взаимосвязи между правовыми отношениями и структурными, экономическими отношениями общества, то, как мы уже видели, она выражается в том, что правовые отношения выступают в качестве условия движения последних, способа их конкретизации, средства закрепления общественных отношений, угодных и выгодных господствующему классу в эксплуататорских государствах, угодных и выгодных всему народу в советском социалистическом государстве. Правовые отношения могут, естественно, выступать и действительно выступают в качестве условия движения, способа конкретизации и средства закрепления не только производственных, но и других общественных отношений. Всякое общественное отношение, принимая юридическую форму, конкретизируется в своем содержании и закрепляется нормами права, которыми оно регулируется. Всякое общественное отношение, становясь отношением правовым, обеспечивается также и новыми, юридически предопределенными условиями своего движения. Однако эти особенности правового отношения наиболее ярко проявляют себя в его связи с производственными отношениями, а, с другой стороны, именно в этих особенностях обнаруживается специфический характер обратного воздействия, которое правовые отношения, вырастая из экономических условий жизни общества, оказывают на его экономическую структуру, на общественно-производственные отношения.

Если же иметь в виду общий вопрос о взаимосвязи общественных отношений с отношениями юридическими как общественными отношениями особого рода, то для его полного разрешения должны быть учтены все и всякие формы, в которых эта связь проявляется.

Правовое отношение есть способ преобразования или условие существования общественного отношения. Если общественное отношение вначале существует само по себе, затем превращается в правовое отношение и, наконец, утратив юридический характер, сохраняется как отношение общественное, то в этом случае правовое отношение выступает в качестве способа преобразования общественного отношения. Если же общественное отношение периодически возникает и прекращается при наступлении известной совокупности внешних обстоятельств, но при этом всегда возникает как правовое отношение, прекращаясь одновременно с тем, как оно утрачивает юридический характер, то в этом случае правовое отношение выступает в качестве условия существования общественного отношения.

Правовое отношение есть условие движения и способ конкретизации общественных отношений. Общественные отношения, нуждающиеся в юридическом оформлении в различных стадиях их существования, предполагают различные виды правовых отношений в качестве условия своего движения. Опосредствуя движение общественных отношений, правовые отношения в то же время выступают и в качестве способа конкретизации как субъектного состава этих отношений, так и тех функций, которые их участники должны выполнить друг перед другом.

Правовое отношение есть средство закрепления общественных отношений, угодных и выгодных господствующему классу (всему советскому народу). Устанавливая на основании определенных экономических и социальных предпосылок отношение между конкретными лицами как представителями различных классов или одного и того же класса (или как представителями единого советского народа), правовое отношение закрепляет юридические позиции этих лиц в соответствии с тем положением, которое они занимают в обществе как его известная часть (или как часть единого советского народа), имеющая определенное отношение к средствам производства и потому объективно способная к выполнению в правовом отношении только определенной функции.

Таким образом, рассматриваемое под углом зрения взаимосвязи с общественными отношениями, особым видом которых оно является, правовое отношение есть не что иное, как условие существования или преобразования, способ движения и конкретизации, средство закрепления общественных отношений, угодных и выгодных господствующему классу (всему советскому народу).

3

Наряду с тем, что правовое отношение выступает в качестве условия движения, способа конкретизации и средства закрепления других общественных отношений, оно в то же время само по себе является отношением общественным, обладающим целым рядом особенностей, совокупностью специфических, только ему присущих признаков и свойств, благодаря которым оно становится способным к выполнению этих функций. Такими специфическими свойствами или признаками правовых отношений являются следующие.

1. *Всякое правовое отношение всегда существует как отношение между конкретными лицами.* Участники любого правового отношения всегда могут быть определены конкретно, поскольку ими всегда являются определенные лица, отношения между которыми, обусловленные в своем возникновении известными внешними обстоятельствами, получают юридическое выражение. Напротив, участники других общественных отношений не всегда могут быть определены конкретно, поскольку ими могут являться не только определенные лица, но и неопределенные группы людей, отношения между которыми, также обусловленные известными внешними обстоятельствами, не получают юридического выражения.

Например, в трудовом правоотношении право требовать выполнения определенной работы принадлежит организации, предоставившей работу, а обязанность ее выполнения воз-

лагается на лиц, принявших на себя такое обязательство. Напротив, при проведении добровольных общественных работ (субботников) любой и каждый может обратиться с призывом об участии в этих работах, на который может откликнуться неопределенная группа лиц, желающих принять в них участие.

2. *Всякое правовое отношение юридически закрепляет взаимное поведение его участников.* В любом правовом отношении, если бы даже одного из его участников было невозможно определить до наступления определенного момента, субъекты этого отношения всегда выступают как лица, поведение которых не только взаимосвязано, но и юридически закреплено. Напротив, участники других общественных отношений, не обладающих правовым характером, могут быть нравственно обязанными друг перед другом или вынуждаемыми к совершению определенных действий экономически, но их поведение никогда не выражается в форме юридически закрепленной взаимозависимости. Поэтому функции субъектов юридического отношения всегда точно определены, тогда как функции участников других общественных отношений могут и не быть определенными в такой степени.

Например, юридическая обязанность детей по алиментированию своих родителей, возникающая при наступлении определенных предусмотренных законом обстоятельств, точно выражается в денежной сумме, которую дети должны выплачивать своим родителям. Напротив, при отсутствии предусмотренных законом обстоятельств, материальная помощь, которую дети фактически оказывали бы своим родителям, не могла получить такого точного выражения.

3. *Всякое правовое отношение регулируется нормами права, установленными или санкционированными государством.* Общественное отношение потому и становится правовым отношением, что оно регулируется государством установленными или санкционированными правовыми нормами, которыми определяется конкретная функция, возложенная на каждого из его участников. Напротив, общественное отношение, не регулируемое общей или конкретной юридической нормой, не становится правовым отношением, а конкретные функции его участников не всегда получают поэтому точное и определенное выражение.

Именно потому, что отношения по алиментированию родителей их детьми в одном случае регулируются нормами закона, а в другом случае остаются вне этого регулирования, именно поэтому в первом случае функции участников этих отношений получают точное и определенное выражение, тогда как во втором случае они определяются каждым субъектом самостоятельно.

4. *Всякое правовое отношение в своем осуществлении обеспечивается силой государственного принуждения.* Общественное отношение, принявшее вид правового отношения, с самого момента его возникновения обеспечивается гарантией его осуществления при помощи принудительной силы государства, правовыми нормами которого это отношение регулируется. Напротив, общественное отношение, не принявшее вид правового отношения, если только оно соответствует интересам государства, может быть впоследствии осуществлено при помощи силы государственного принуждения; однако в момент его возникновения ему не обеспечивается такая гарантия его осуществления, которое, как правило, происходит помимо и вне государственного вмешательства.

Например, вопрос о поступлении на работу и о выборе места работы разрешается самостоятельно советскими гражданами, помимо и вне государственного принуждения, однако в условиях военного времени, когда обеспечение рабочей силой определенных отраслей народного хозяйства диктовалось потребностями, связанными с войной, государство применило метод принудительного направления на работу лиц, которые до этого времени либо вообще не работали, либо были заняты в менее важных для ведения войны отраслях народного хозяйства. Напротив, в отношении лиц, уже поступивших на работу и принявших на себя выполне-

ние определенной трудовой функции, всегда может быть применено государственное принуждение, обеспечивающее осуществление установившегося правового отношения.

В совокупности всех этих четырех признаков, взятых в единстве, обнаруживается специфика юридического отношения как общественного отношения особого рода. Правовое отношение, рассматриваемое под углом зрения характеризующих его специфических признаков, в силу которых оно отличается от иных общественных отношений, есть не что иное, как регулируемое правом отношение между конкретными лицами, взаимное поведение субъектов которого закреплено юридически и осуществление которого обеспечивается силой государственного принуждения.

Всякое общественное отношение, как только оно становится правовым отношением, приобретает все присущие последнему признаки. Из отношения, участники которого не всегда определены конкретно, оно превращается в отношение между конкретными лицами. Неопределенность функций отдельных субъектов общественного отношения заменяется юридически закрепленной взаимозависимостью их поведения. Наконец, обеспеченное силой государственного принуждения с того момента, когда оно превращается в отношение, регулируемое исходящими от государства юридическими нормами, данное общественное отношение снабжается всеми условиями, необходимыми для его реального осуществления.

Но государство заинтересовано в осуществлении не только правовых, а и всех других общественных отношений, способствующих достижению и разрешению поставленных и выдвинутых им целей и задач. Не все эти отношения обязательно должны быть правовыми отношениями, а, следовательно, правовое отношение не является ни обязательным, ни единственно возможным способом реализации других общественных отношений. И если тем не менее многие общественные отношения для их осуществления обязательно должны быть юридически урегулированы, то это объясняется не только характером этих общественных отношений, но и спецификой самого правового отношения.

Специфика правовых отношений, как мы видели, состоит в том, что, существуя между конкретными лицами, взаимное поведение которых юридически закреплено, они регулируются исходящими от государства правовыми нормами, а их осуществление обеспечивается силой государственного принуждения. Юридический характер могут и должны принимать те общественные отношения, осуществление которых в соответствии с государственными интересами может быть обеспечено лишь в том случае, если они выражаются в виде отношений между конкретными лицами, если поведение их участников будет закреплено юридически и если реальность этого поведения будет обеспечена силой государственного принуждения. Вопрос же о том, какие именно общественные отношения нуждаются для своего осуществления в правовом регулировании, нельзя решить абстрактно, в виде общей формулы, в равной степени объясняющей этот вопрос применительно ко всем видам общественных отношений. Отношения собственности принимают вид правовых отношений далеко не по тем же самым причинам, по которым правовыми становятся семейно-брачные отношения. Правоотношения, возникающие в связи с охраной личных неимущественных прав граждан, отнюдь не обусловлены теми же обстоятельствами, которыми обуславливается возникновение правоотношений, связанных с охраной имущественных прав. Причины преобразования определенных видов общественных отношений в отношения правовые могут быть выявлены только путем конкретного анализа каждого из них. Общим же образом все многообразие этих причин мы можем свести как к определяющей роли экономического базиса общества, так и к формам обратного воздействия, которое на него оказывают право и правовые отношения.

Но даже в тех случаях, когда общественное отношение по необходимости должно принять правовую форму, оно становится не вообще правоотношением, а отношением, регулируемым определенной отраслью права. Поэтому, наряду с общими признаками всякого правоотношения, последнее приобретает ряд специфических черт, предопределяемых характером

той отрасли права, к сфере регулирования которой оно относится. Такими специфическими чертами обладает и гражданское правоотношение, которые и должны быть выявлены для того, чтобы из целой совокупности самых разнообразных правовых связей выделить отношения, регулируемые нормами гражданского права.

Глава II

Основные черты и структурные особенности гражданского правоотношения. Отношения административного и гражданского права

Определить структурные особенности гражданского правоотношения и выявить круг тех общественных отношений, которые обуславливают необходимость применения к ним метода гражданско-правового регулирования, – значит вместе с тем дать предметное определение гражданского права как одной из отраслей единой системы советского социалистического права.

Однако разработка такого определения наталкивается на серьезные методологические трудности, поскольку отношения, составляющие предмет регулирования гражданского права, в определенном объеме и в известном направлении подвергаются также административно-правовому регулированию, а иногда одни и те же общественные отношения могут оформляться как по типу гражданских, так и по типу административных правоотношений. Поскольку предметы регулирования гражданского и административного права не только соприкасаются, но и как будто бы совпадают в известной части, отграничение гражданского права от других отраслей советского социалистического права предполагает прежде всего его отграничение от советского административного права.

Поэтому, определяя основные черты и структурные особенности гражданских правоотношений, мы должны сопоставить их с характерными признаками и принципами построения отношений административного права для того, чтобы затем произвести разграничение между обеими тесно соприкасающимися и в то же время отличающимися друг от друга отраслями советского социалистического права – советским административным и советским гражданским правом.

Обращаясь к вопросу о разграничении советского административного и советского гражданского права, мы, естественно, ни в какой мере не приближаем эту проблему к вопросу о противопоставлении частного и публичного права в буржуазной юридической науке. Такое приближение невозможно как потому, что «мы ничего частного не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»⁴³, а понятие административного гражданского права в СССР не имеет ничего общего с понятием публичного и частного права в буржуазных государствах, так и потому, что, разграничивая административное и гражданское право, советская юридическая наука исходит не из их противопоставления, а из того, что они являются отраслями единой системы советского социалистического права.

Задачи и цели советской юридической мысли, ищущей методологически правильные и научно обоснованные принципы определения отдельных отраслей советского социалистического права, не имеют ничего общего с классовыми задачами и целями буржуазной юриспруденции. Перед советской наукой права стоит вполне определенная и осознанная в ее теоретическом и практическом значении задача: исходя из единства советского социалистического права как выраженной в законе воли социалистического государства, определить круг общественных отношений, к которым применяются нормы его различных отраслей, в том числе и нормы советского гражданского и административного права.

Перед буржуазной юриспруденцией стоят задачи иного рода. Наталкиваясь на реальное противоречие в самой системе буржуазного права, она пытается дать этому противоречию такое истолкование, благодаря которому были бы устранены всякие следы его антагонисти-

⁴³ В. И. Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 419.

ческого характера, выражающего собою непримиримость основных противоречий капиталистического общества. Разнообразие этих попыток породило и разнообразие буржуазных концепций публичного и частного права, являющихся следствием не столько различных «теоретических убеждений» тех или иных авторов, сколько различных особенностей социально-исторической обстановки, в условиях которой определенные концепции создавались.

1

Разрешение вопроса о природе публичного и частного права обусловило образование двух основных направлений⁴⁴ в буржуазной юридической науке: одно из них опирается на известную формулу Ульниана (*Publicum jus est, quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem pertinet*) и исходит из различия целей или интересов, подлежащих правовой охране, тогда как второе опирается на выдвинутый римскими юристами принцип недопустимости изменения публично-правовых норм частными соглашениями (*publicum jus pactis privatorum mutari non potest*) и исходит из различия в характере норм или в субъекте воли, на которую совершается посягательство в результате нарушения частных и публичных прав.

К числу теорий первого рода относятся так называемая *целевая теория*, согласно которой целью публичного права является общество как целое, а целью частного права – отдельный человек⁴⁵, и *теория интереса*, согласно которой публичное право направлено на охрану общественных, а частное – на охрану личных интересов⁴⁶.

К теориям второго рода могут быть отнесены так называемая *волевая теория*, квалифицирующая правонарушение как частноправовое или публично-правовое, в зависимости от того, нарушает ли оно волю государства или волю отдельного лица⁴⁷, и *теория способа защиты и метода регулирования*, относящая к числу частных прав только такие права, установление и прекращение которых зависит от воли отдельного лица и нарушение которых порождает частное притязание в лице управомоченного⁴⁸.

С точки зрения путей обоснования деления прав на публичные и частные, теории эти тем отличаются друг от друга, что если первая группа теорий пытается из характера охраняемого и регулируемого предмета вывести специфику соответствующих правовых норм, то вторая группа теорий, напротив, исходя из специфики различных правовых норм, независимо от предмета их регулирования, производит их деление на нормы публичного и частного права.

Но между этими теориями имеется и известное социально-историческое различие.

Противопоставление частных целей целям государственным явилось одной из форм противопоставления «гражданского общества» капитализма его политической организации, идеологическим отражением того факта, что в капиталистическом обществе, в котором «политическое государство достигло своего действительного развития, человек не только в мыслях, в сознании, а в действительности, в жизни ведет двойную жизнь, небесную и земную, жизнь

⁴⁴ Некоторые буржуазные юристы, и среди них едва ли не одним из первых русский цивилист Кавелин (см. *К. Кавелин*, Что есть гражданское право и где его пределы, 1864), определяли частное право как правовую отрасль, регулирующую все имущественные отношения, в том числе и отношения, связанные с уплатой налогов, различными имущественными повинностями и т. д. Поскольку, однако, эта концепция, по признанию ее авторов, ставит вопрос только в теоретическом аспекте, отвлекаясь от действующего законодательства, которому она явно противоречила, против нее были выдвинуты серьезные возражения, и она не получила более или менее широкого распространения.

⁴⁵ См., например, *F. Savigny*, System iks heutigen römischen Rechts, т. 1, 1840, стр. 23, и другие авторы.

⁴⁶ См., например, *R. Jhering*, Geist des römischen Rechts, т. III, 1906, стр. 339, а также *M. Planiol*, Traité élémentaire du droit civil, т. I, 1911, стр. 8–9, *P. Namur*, Cours d'Encyclopédie du droit, 1875, стр. 260, и другие авторы.

⁴⁷ См., например, *A. Brinz*, Lehrbuch der Pandekten, т. I, 1857, стр. 48, и другие авторы.

⁴⁸ См. *С. Муромцев*, Определение и основное разделение права, 1879, стр. 195 и сл.; *Гамбаров*, Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе, т. I, 1879, стр. 77 и сл.; *Л. Петражицкий*, Теория права и государства в связи с теорией нравственности, 1909, стр. 688 и сл.; *И. Покровский*, Основные проблемы гражданского права, 1914, стр. 12, а также *A. Thon*, Rechtsnorm und subjectives Recht, 1878, стр. 121 и сл., и другие авторы.

в политическом общежитии, в котором он выступает как общественное существо, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо, рассматривает других людей как средство, низводит самого себя до средства и становится игрушкой чужих сил»⁴⁹.

Объективно отражая на себе реальное непримиримое противоречие между интересами личности и интересами капиталистического государства⁵⁰, субъективно, с точки зрения целей их авторов, эти концепции должны были служить своеобразным теоретическим обоснованием принципа «свободного» развития частных хозяйственных отношений в «свободной» игре, стихийно действующих экономических сил, вне и независимо от государственного вмешательства, поскольку в условиях промышленного капитализма интересы капиталистических собственников могли получить наиболее полное удовлетворение только благодаря последовательному проведению этого принципа.

Однако по мере обострения капиталистических противоречий буржуазная юриспруденция, как и буржуазная наука в целом, начинает отказываться от теоретического противопоставления различных противоречивых целей и интересов и либо пытается доказать отсутствие противоположности между ними, либо, не касаясь этого вопроса вообще, сводит всю проблему публичных и частных прав к различию в способе их охраны и в методе правового регулирования. Противоположность между публичным и частным правом заменяется их условным разграничением, в котором «не заключается резкое противопоставление, так как благо отдельного лица и благо целого связаны самым тесным образом»⁵¹, а потому принципиально «одну и ту же норму в равной мере можно отнести как к публичному, так и к частному праву»⁵².

Но если различие между публичным и частным правом носит чисто условный характер и не включает в себе резкого противопоставления, то, по-видимому, деление буржуазного права на две его противоположные части вообще не имеет под собою реального основания и должно быть отвергнуто как противоречащее буржуазной действительности. Именно на этом и настаивают буржуазные юристы нового времени, пытающиеся доказать, что в эпоху новых «социальных сдвигов», – тех самых сдвигов, которые приносит с собою империализм, охарактеризованный Лениным «как переходный или, вернее, умирающий капитализм»⁵³, «публичное право не является больше совокупностью норм, применимых к субъектам прав различного ранга»⁵⁴, «нет больше иерархии воли»⁵⁵, «всякая воля есть индивидуальная воля»⁵⁶, а потому исчезает и всякое различие между частным и публичным правом.

Концепции этого рода, широкое распространение которых объясняется изменившимися социально-историческими обстоятельствами – все более усиливающимися процессами концентрации и централизации капитала на новой, монополистической основе и приобретающими все более широкие масштабы государственным вмешательством в сферу частной хозяйственной деятельности, – вполне соответствуют классовым интересам империалистской буржуазии, пытающейся замаскировать разъедающие капитализм антагонистические противоречия и подменить фактическую непримиримость сталкивающихся противоположных интересов «теоретическим» обоснованием их гармонии и единства. Однако, несмотря на это, потребность в сохранении деления буржуазного права на право частное и публичное все еще продолжает оставаться достаточно настоятельной, ибо главные материальные предпосылки этого деления – основные структурные закономерности капитализма, в частности и в особенности, капитали-

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 376.

⁵⁰ См. И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 602, 603.

⁵¹ Н. Dernburg, Pandekten, т. I, 1902, стр. 45.

⁵² Там же.

⁵³ В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 173.

⁵⁴ L. Duguit, Les transformations du droit public, 1913, стр. XVIII.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. XIX.

стическая конкуренция и анархия производства, в измененном и обостренном виде сохраняют свое действие и в эпоху империализма. Точно так же, как основной закон развития капитализма – закон стоимости не устраняется, а лишь видоизменяется в действии закона монопольных цен, так и главные юридические предпосылки и условия, в которых этот закон реализуется, – автономия сторон, договорная свобода, автономное распоряжение частными правами, – не уничтожаются, а лишь подвергаются изменениям и ограничениям, отражающим на себе общий процесс империалистического развития буржуазной социально-экономической формации.

Вопрос о теоретическом обосновании деления прав на публичные и частные продолжает поэтому во всей своей остроте стоять перед буржуазной наукой права, зашедшей при его разрешении в такой тупик, из которого ей едва ли когда-нибудь удастся выйти⁵⁷.

2

Поскольку советское социалистическое право не знает деления прав на публичные и частные, постольку перед советской юридической наукой не может стоять вопрос о теоретическом обосновании этого деления.

Однако разграничение отдельных правовых отраслей, образующих единую систему советского социалистического права, выделение предмета регулирования этих отраслей, в том числе выделение гражданских правоотношений как предмета регулирования гражданского права, не может не являться одной из центральных проблем, нуждающихся в правильном и теоретически обоснованном научном разрешении. Методологическое значение этой проблемы непосредственно связано с определением предмета науки советского гражданского права и отграничением его от предмета изучения других правовых дисциплин. Ее теоретическое и практическое значение связано с необходимостью в строго научном определении круга тех общественных отношений, которые регулируются нормами гражданско-правового законодательства, в отличие от общественных отношений, регулируемых другими отраслями советского права.

Вопрос этот, как известно, в течение весьма длительного времени с достаточной активностью обсуждается на страницах нашей юридической литературы, причем большинство авторов, отдавая известную дань методу регулирования как внешнему признаку отграничения гражданского права от иных отраслей советского социалистического права, сходится на том, что метод регулирования есть чисто формальный момент и что для разрешения проблемы по существу необходимо установить круг общественных отношений, лежащих в основе гражданского права и определяющих границы его применения. Так, в частности, решает вопрос акад. А. Я. Вышинский, относящий к предмету регулирования гражданского права все имущественные отношения между субъектами советского гражданского права, за исключением тех, которые «регулируются в порядке административного управления»⁵⁸.

Авторы учебника гражданского права для юридических вузов в основном воспроизводят формулу акад. А. Я. Вышинского, относя при этом к сфере гражданско-правового регулирования не только имущественные отношения, но также и отношения, связанные с личными неимущественными правами граждан⁵⁹. Но в их определении отсутствует отличительный

⁵⁷ Этого не отрицают и некоторые представители буржуазной юриспруденции (см. например, Л. Герваген, На чем основано разделение права на публичное и частное, гражданское, П. 1915, стр. 5, а также *W. Burkhardt, Methode und System des Rechts*, 1936, стр. 196), откровенно заявляющие о невозможности разрешения проблемы публичных и частных прав.

⁵⁸ А. Я. Вышинский, XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права, Советское государство и право, № 3, 1939, стр. 22.

⁵⁹ См. «Гражданское право», Учебник для юридических вузов под ред. М. М. Агаркова и Д. М. Генкина, т. I, 1944, стр. 10–11.

признак отношений гражданского права, взамен которого приводится примерный перечень имущественных отношений, регулируемых в административно-правовом порядке и поэтому выходящих за пределы гражданского права. По существу же это определение исходит не из предмета, а из метода регулирования, поскольку применительно к обеим отраслям права речь идет об имущественных отношениях с тем лишь различием, что в одном случае они регулируются методом гражданского, а во втором – методом административного права. Роль отличительного признака гражданского права играет здесь метод гражданско-правового регулирования, и он будет играть эту роль до тех пор, пока не удастся обнаружить другой существенно решающий признак.

По мнению проф. Д. М. Генкина, таким признаком является понятие оборота, а имущественные отношения, связанные со сферой оборота, определяют собою границы применения норм гражданско-правового законодательства⁶⁰. Но понятие оборота само по себе нуждается в определении. Если под оборотом следует понимать любые способы перемещения имущества, то они опосредствуются не только гражданскими, но и административными правоотношениями. Если же оборот – это не что иное, как сфера обращения, то гражданское право далеко не ограничивается ею. И поэтому, когда проф. С. Ф. Кечекьян определяет гражданское право как право, регулирующее отношения, связанные со сферой обращения, включая в область административно-правового регулирования имущественные отношения, связанные со сферой производства⁶¹, то естественно возникает вопрос, продолжает ли при этом условии вещное право оставаться гражданско-правовым институтом и не относятся ли к сфере гражданского права такие акты, как, например, государственные акты по распределению фондов снабжения сырьем, оборудованием и топливом. Тот факт, что имущественные отношения, связанные со сферой производства и сферой обращения, регулируются как нормами гражданского, так и нормами административного права, свидетельствует, по-видимому, о том, что ни один из этих критериев не может быть использован для предметного определения советского гражданского и советского административного права.

Проф. Аржанов усматривает отличительный признак отношений гражданского права в специфике оснований их возникновения, поскольку они устанавливаются «не в порядке государственного управления, а преимущественно в порядке договоров, взаимных обязательств»⁶². Дело, таким образом, не в характере самих отношений, а в характере оснований их возникновения. Более того, решение вопроса определяется характером не всех, а лишь преимущественных оснований возникновения гражданских правоотношений – договоров, взаимных обязательств. При этом упускается из виду то обстоятельство, что проблема осложняется не этими преимущественными основаниями возникновения гражданских правоотношений, а как раз теми из них, которые являются общими как для гражданских, так и для административных правоотношений. В чем выражается различие между гражданским и административным правоотношением в случае, когда оба они возникают из административного акта, – на этот вопрос определение проф. Аржанова ответа не дает. Не дает его и определение Г. И. Петрова, который считает, что «имущественные отношения, возникающие на почве движения общественной и личной собственности при взаимных обязательствах сторон данного отношения, относятся к гражданскому праву», а «имущественные отношения, возникающие на почве государственного управления, следует отнести к административному праву»⁶³. Ибо гражданские имущественные отношения могут носить не только взаимный, но и односторонний характер, а на почве государственного управления могут возникать так же имущественные отношения граждан-

⁶⁰ См. Д. М. Генкин, Предмет советского гражданского права, Советское государство и право, № 4, 1939.

⁶¹ См. С. Ф. Кечекьян, О системе советского социалистического права, Советское государство и право, № 2, 1946.

⁶² М. Аржанов, О принципах построения системы советского социалистического права, Советское государство и право, № 3, 1939, стр. 31.

⁶³ Г. Петров, Предмет советского административного права, Советское государство и право, № 7, 1940, стр. 44.

данско-правового характера, как и, с другой стороны, движение общественной и личной ответственности может быть осуществлено в административно-правовом порядке.

Настаивая на том, что при построении системы советского социалистического права следует исходить из предмета регулирования ее отдельных отраслей, проф. М. М. Агарков считает, что «разграничение гражданского и административного права должно идти по линии отграничения имущественных отношений от организационных отношений»⁶⁴. Что же касается промежуточных институтов, то их «следует отнести к административному или к гражданскому праву, в зависимости от того, какие отношения в них преобладают и являются наиболее характерными для данного института»⁶⁵. Таким образом, в отношении так называемых промежуточных институтов определение проф. Агаркова не содержит в себе общего решения вопроса. Но и для основных институтов это определение едва ли можно признать достаточным. В самом деле, чем отличается имущественное отношение как предмет гражданско-правового регулирования от «организационного отношения», составляющего предмет регулирования административного права? Организационные отношения, – пишет проф. Агарков, – представляют собою «отношения власти и подчинения»⁶⁶. Но разграничение правоотношений по признаку наличия или отсутствия в них элементов власти и подчинения основывается, по-видимому, на различии в правовом методе их регулирования, т. е. на критерии, который автором отвергается. Мы не считаем, что, определяя гражданское право по его предмету, необходимо вообще отвлечься от специфики гражданско-правового метода регулирования, но в то же время едва ли возможно сводить к этому решение вопроса в целом, тем более, что в своих исходных установках проф. Агарков ориентируется не на метод, а на предмет регулирования гражданского права, т. е. на определенный круг общественных отношений.

Не останавливаясь специально на других точках зрения, отстаиваемых различными авторами, укажем лишь, что в нашей литературе еще не было предложено такое решение вопроса, которое не вызывало бы против себя возражений и могло бы быть безоговорочно принято. Вопрос этот продолжает оставаться дискуссионным и нуждается в дальнейшей разработке.

3

Дать научно-правильное определение – значит раскрыть предмет в его сущности. Определить предмет гражданского права – значит не только описать совокупность отношений, регулируемых нормами гражданско-правового законодательства, и перечислить те из них, которые выходят за пределы гражданского права, но и установить объективные факторы, обуславливающие необходимость включения данных общественных отношений в сферу регулирования данной правовой отрасли.

Для решения этого вопроса имеет значение не только изучение предмета, но и анализ метода гражданско-правового регулирования. Предмет является решающим фактором, поскольку он в конечном счете определяет и характер метода правового регулирования. Но и последний имеет весьма серьезное значение, ибо если бы методы регулирования различных правовых отраслей, в частности, методы регулирования гражданского и административного права, ничем не отличались друг от друга, то отпала бы необходимость в самостоятельном существовании обеих отраслей права.

Свое непосредственное выражение метод гражданско-правового регулирования получает как в специфике гражданско-правовых норм, так и в структурных особенностях граждан-

⁶⁴ М. М. Агарков, Предмет и система советского гражданского права, Советское государство и право, № 8–9, 1940, стр. 61.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 63.

ских правоотношений. Существует ряд внешних признаков, отличающих гражданское правоотношение от иных видов правовых отношений.

Первым признаком является *метод защиты гражданских прав*. Права эти в случае, если их реализации препятствует обязанная сторона, могут быть осуществлены помимо и против ее воли, в порядке гражданского иска.

Однако признак судебной защиты не является ни общим для всех гражданских прав, ни специфическим только для них одних. Некоторые гражданские права защищаются в административном порядке (например, споры о размере причитающегося изобретателю вознаграждения. – Ст. 23 Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях от 5 марта 1941 г.), как и наоборот, права, возникающие из отношений административного права, могут защищаться в судебном порядке (например, в случаях, предусмотренных Постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г. и Постановлением СНК СССР от 24 ноября 1942 г.).

Вторым признаком могут служить *основания возникновения гражданских правоотношений*. Отношения гражданского права, как правило, имеют своим основанием свободное волеизъявление их участников.

Но этот признак еще менее, чем предыдущий, может считаться общим и специфическим признаком для всех гражданских правоотношений. Отношения гражданского права могут возникать и при отсутствии волеизъявления сторон (например, обязательства из причинения вреда), они могут, далее, так же, как и отношения административного права, возникать из актов государственного управления (например, возникающее из административного акта обязательство заключить сделку), наконец, один и тот же административный акт может породить как гражданское, так и административное правоотношение (например, административный акт о распределении фондов устанавливает гражданское правоотношение между поставщиком и получателем и административное правоотношение между ними и органом, издавшим этот акт).

Третий признак обнаруживается в *специфике норм гражданского права*. Многие нормы гражданского права, по крайней мере те из них, которые регулируют отношения между гражданами, носят диспозитивный характер.

Однако условное и относительное значение этого признака едва ли может вызывать сомнение, ибо диспозитивными могут быть и некоторые нормы административного права, как и с другой стороны, многие нормы гражданского права, а для отношений между социалистическими организациями – подавляющее большинство норм обладает, как и нормы административного права, императивным характером.

Наконец, **четвертым признаком** могут явиться особые *способы прекращения гражданских правоотношений*. Такие способы прекращения правоотношений, как новация, зачет, сложение долга, одностороннее волеизъявление и другие, известны только гражданскому праву, и их не знают другие отрасли права, за исключением, может быть, одностороннего волеизъявления органа власти в административном правоотношении.

Однако и этот признак не является достаточно точным, ибо не все гражданские правоотношения могут быть новированы или прекращены путем зачета (нельзя, например, новировать или погасить путем зачета алиментное обязательство), не всегда допускается их прекращение посредством сложения долга (а для отношений между социалистическими организациями, как правило, не допускается), прекращение же правоотношения путем одностороннего волеизъявления даже в отношениях между гражданами допускается лишь в исключительных случаях (например, ст. 231 ГК РСФСР лишь при особых обстоятельствах допускает расторжение договора подряда по одностороннему волеизъявлению заказчика).

Таким образом, ни один из перечисленных нами признаков не является специфическим для всех гражданских правоотношений или только для них одних. И если, несмотря

на это, гражданские правоотношения все же практически отграничиваются от других, и прежде всего, от административных правоотношений, то объясняется это тем, что отношения гражданского права обладают определенными типичными чертами, являясь *правоотношениями особого структурного типа* как по общему характеру их построения, так и по специфике их основных элементов⁶⁷.

Гражданское правоотношение, как и всякое общественное отношение вообще, есть взаимное отношение людей. Оно существует по крайней мере между двумя субъектами, каждый из которых является либо носителем прав, либо носителем обязанностей, либо, как это имеет место в двустороннем правоотношении, носителем прав и обязанностей одновременно. Юридическое различие между субъектами одностороннего гражданского правоотношения проявляется лишь в том, что один из них имеет только права, а второй – только обязанности. В двустороннем же правоотношении, в котором каждому субъекту принадлежат и права и обязанности, и это различие исчезает. С точки зрения их общего гражданско-правового статуса, субъекты гражданского правоотношения равны, независимо от функции, которая возлагается на них в конкретном правоотношении. Поскольку субъект, приобретающий право, не снабжается одновременно функцией веления, получая лишь возможность предъявления определенного материально-правового притязания, постольку субъект, на которого возложена обязанность, не подчинен управомоченному, а лишь функционально связан обращенным к нему материально-правовым притязанием. Поведение обязанного лица должно соответствовать характеру и содержанию права управомоченного, последний может требовать от первого определенного поведения, и осуществимость этого требования обеспечивается ему законом. Однако между ними не устанавливается отношение власти и подчинения. Управомоченный обладает лишь правом, а не *imperium*'ом, обязанный связан его притязанием, но не его велением.

Иначе обстоит дело с правовым статусом субъектов административного правоотношения. Один из субъектов административного правоотношения, независимо от того, выступает ли он в качестве носителя прав или в качестве носителя обязанностей, снабжен функцией веления в отношении второго субъекта. Последний, даже тогда, когда он является управомоченным, а не обязанным, подчинен велению первого. Их связывает отношение власти и подчинения, причем вопрос о том, какому из этих субъектов принадлежит функция власти и кто из них находится в состоянии подчинения, решается независимо от того, является ли первый носителем прав, а второй – носителем обязанностей в конкретном правоотношении. Юридический статус субъектов административного правоотношения определяется не характером их правомочий и обязанностей, а тем общим положением, которое они занимают в сфере административного права и сообразно с которым между ними устанавливается конкретное юридическое отношение. И если ничего подобного мы не наблюдаем в гражданском правоотношении, то это объясняется различным, субъектным составом обоих видов правоотношений.

Одним из субъектов административного правоотношения всегда является орган, осуществляющий функцию управления. Но так как административное право исходит из того, что все другие лица в пределах устанавливаемой им функции управления подчинены органу, осуществляющему эту функцию, то элементы власти и подчинения оказываются необходимыми элементами и в конкретных административных правоотношениях. Напротив, отноше-

⁶⁷ В своей работе «Основные вопросы теории социалистического гражданского права» (докторская диссертация) проф. С. И. Аскназий детально рассматривает вопрос о гражданском правоотношении как отношении особого структурного типа, а также вопрос о его роли в воспроизводстве хозяйственной системы. Результатом его исследования явились выводы, которые вплотную подводят автора к разрешению проблемы разграничения гражданского и административного права (см. С. И. Аскназий, Основные вопросы теории социалистического гражданского права [докторская диссертация – автореферат], Вестник Ленинградского университета, № 12, 1947, стр. 95 и сл.). Ознакомление с работой проф. С. И. Аскназия позволило нам использовать ее основные положения для выводов, к которым мы приходим в настоящей главе.

ния гражданского права, устанавливающиеся между отдельными гражданами или организациями, осуществляющими хозяйственную функцию, не предполагают участия в них органов, власти и управления. Поскольку же в сфере гражданского права отсутствует предположение о подчинении одних субъектов другим его субъектам, то элементы власти и подчинения не входят и в состав конкретных гражданских правоотношений.

Эти элементы не входят в состав гражданского правоотношения и тогда, когда его субъектами оказываются те же органы, что и субъекты административного правоотношения, ибо в отношениях различного рода эти органы выступают в своих различных качествах. В административном правоотношении они выступают в качестве органов, осуществляющих функцию организации и управления и подчиняющих себе тех лиц, в отношении которых эта функция осуществляется. В гражданском правоотношении они выступают в качестве органов, осуществляющих хозяйственную функцию и находящихся в равном юридическом положении с теми лицами, которые вступают с ними в правоотношения по поводу и в процессе осуществления этой функции.

Если бы орган, осуществляющий функцию организации и управления, являлся даже носителем обязанности в конкретном административном правоотношении, то поскольку эта обязанность, как и соответствующее ей право другой стороны, имеют своим объектом организационно-управленческую деятельность данного органа, постольку и в этом правоотношении носителем власти является данный орган, а не его управомоченный субъект. Напротив, если бы тот же самый орган являлся носителем обязанности в конкретном гражданском правоотношении, то поскольку эта обязанность, как и соответствующее ей право другой стороны, имеют своим объектом хозяйственную деятельность данного органа, постольку в этом правоотношении отсутствуют элементы власти и подчинения, и оно строится по принципу юридического равенства обоих контрагентов.

Различие в субъектном составе и в правовом положении субъектов правоотношений обо-его рода, а также различие в их объектах обуславливает в свою очередь и различие в порядке их осуществления. В качестве управомоченного субъекта административного правоотношения орган власти или управления может, хотя и не во всех случаях, но по крайней мере, как правило, самостоятельно добиться осуществления обязанности, возложенной на вторую сторону этого правоотношения, поскольку он снабжен функцией веления по отношению к обязанному субъекту. Напротив, обладая правомочием в гражданском правоотношении, в котором ему не принадлежит одновременно функция веления, он может лишь в том случае самостоятельно добиться осуществления обязанности, возложенной на его контрагента, если она будет исполнена последним добровольно, а для ее принудительного осуществления он нуждается в содействии тех органов, велению или власти которых подчинен его контрагент.

Таким образом, отношения гражданского права всеми своими элементами отличаются от административных правоотношений. Они отличаются друг от друга: а) *по общему характеру построения* (отношения равенства; отношения власти и подчинения), б) *по субъектному составу* (отношения с органом, осуществляющим хозяйственную функцию; отношения с органом, осуществляющим функцию организации и управления), в) *по объекту* (правоотношения, связанные с хозяйственной деятельностью данного органа; правоотношения, связанные с его организационно-управленческой деятельностью), г) *по объему правомочий и обязанностей* (обязанность, соответствующая правомочию как притязанию; обязанность, соответствующая правомочию как велению).

Но если гражданские и административные правоотношения являются отношениями различного структурного типа и если в то же время различные общественные, в частности, имущественные отношения могут регулироваться как в гражданско-правовом, так и в административно-правовом порядке, то для проведения разграничения между ними в каждом конкретном случае необходимо установить, соответствует ли данное правовое отношение структурным

признакам гражданско-правового или административно-правового типа отношений. Для практического разграничения гражданских и административных правоотношений этот эмпирический вывод оказывается вполне достаточным.

Однако теоретическая проблема разграничения гражданского и административного права этим не исчерпывается.

Как указывает проф. Аскназий, «воспроизводство хозяйственного цикла как в антагонистическом, так и в социалистическом обществе опосредствуется различными правовыми формами; государство оказывает различное по своему характеру воздействие на поведение участников производственных и иных процессов. Это воздействие на различных звеньях воспроизводственного процесса одной и той же формации принимает две основные формы – гражданско-правовую и административно-правовую. Для научного познания этих двух форм правового регулирования не представляется возможным ограничиться нахождением лишь их правовых особенностей (что характерно для догматической юриспруденции); должна быть выявлена некоторая лежащая вне правовой сферы основа, необходимо предопределяющая на определенных участках системы ту или иную форму правового регулирования»⁶⁸. Задача состоит не только в том, чтобы описать структурные признаки гражданского правоотношения, но и, прежде всего, в том, чтобы установить объективные причины и факторы, в силу которых одни общественные отношения строятся по гражданско-правовому, тогда как другие виды таких же отношений (а на различных исторических этапах – одни и те же общественные отношения) строятся по административно-правовому типу. Какими объективно действующими закономерностями это обуславливается, какие реально существующие обстоятельства и факторы здесь являются решающими?

4

Согласно господствующей в нашей литературе точке зрения, решающим является характер и содержание той отрасли общественных отношений, которая составляет предмет гражданско-правового регулирования и которой определяется специфика его метода. Поэтому, казалось бы, достаточно установить круг общественных отношений, которые по своей природе объективно нуждаются в применении к ним метода гражданско-правового регулирования, как тем самым определятся общие границы действия гражданско-правовых норм, и мы получим, таким образом, предметное определение гражданского права.

Однако, несмотря на предельную ясность, с которой намечены методологические пути разрешения этой проблемы, до сих пор никому еще не удалось предложить ее правильное решение и разработать понятие гражданского права по предмету его регулирования. Когда говорят, что советское гражданское право есть отрасль советского социалистического права, регулирующая имущественные отношения социалистического общества, то такое определение не является адекватным в логическом смысле этого слова, поскольку имущественные отношения регулируются также и нормами советского административного права. Когда же для того, чтобы это определение соответствовало совокупности общественных отношений, действительно охватываемых нормами гражданского права, к нему добавляют логическое *differentia specifica* в виде указания на то, что к гражданскому праву относятся имущественные отношения, не регулируемые в порядке государственного управления, то такое определение, если бы оно даже было достаточным с формальнологической точки зрения, не решает вопроса по существу, ибо оно лишь по видимости является предметным определением, тогда как в действительности сам предмет регулирования продолжает в нем оставаться не определенным и поэтому, естественно, не может определять собою понятие гражданского права.

⁶⁸ С. И. Аскназий, цит. соч., стр. 97.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.